

Сильвейн Рейнард

ИСКУПЛЕНИЕ ГАБРИЕЛЯ

Санкт-Петербург

Sylvain Reynard GABRIEL'S REDEMPTION

Copyright © 2011 by Sylvain Reynard All rights reserved including the
right of reproduction in whole
or in part in any form.

This edition published by arrangement with **The Berkley Publishing
Group**, a member of Penguin Group (USA) LLC,
a Penguin Random House Company
Перевод с английского Игоря Иванова

Иллюстрация на обложке Екатерины Платоновой

Рейнард С.

Искушение Габриеля : роман / Сильвейн Рейнард ;
пер. с англ. И. Иванова. — СПб. : Азбука, Азбука-
Аттикус, 2014. (Сто оттенков любви. Запретные
удовольствия).

ISBN 978-5-389-09113-9

18+

Эпическое завершение романтической истории, начатой бестселлерами «Вознесение Габриеля» и «Инферно Габриеля»!

Профессор Габриель Эмерсон покидает Торонтский университет, чтобы начать новую жизнь со своей возлюбленной Джулианной. Он уверен, что вместе они способны ответить на любой вызов, который бросит им жизнь.

Но начать жизнь с чистого листа не так просто. Джулия и Габриель сталкиваются с людьми из своего прошлого. Кроме того, Габриель обнаруживает, что победил еще не всех демонов из своего подсознания. Сражаясь с ними, он решает узнать больше о своих

биологических родителей.

Так начинается цепь событий, способных кардинально изменить жизнь Джулии и Габриеля...

Впервые на русском языке!

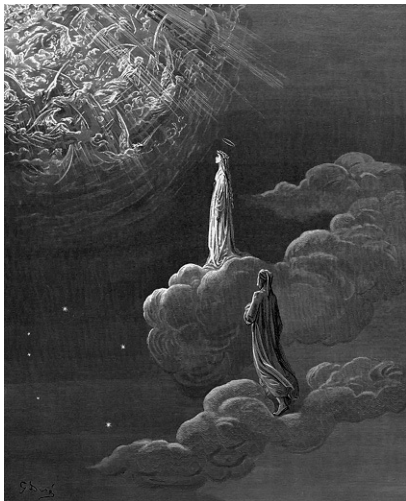
© И. Иванов, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2014

Издательство АЗБУКА®

*Моим читателям
с благодарностью*

*Данте и Беатриче восходят к сфере Марса.
Гравюра Гюстава Доре, около 1868 г.*

Надежда, — я сказал, — есть ожиданье
Грядущей славы; ценность прежних дел
И благодать — его обоснованье.

Данте Алигьери. Божественная комедия.

Рай. Песнь 25, стихи 67–69¹

¹ Перевод М. Лозинского. — Здесь и далее прим. перев.

ПРОЛОГ

Флоренция, 1292 год

Поэт оторвался от стола и взглянул в окно на свой любимый город. Прекрасные здания и улицы зывали к нему, но голоса их были глухими. Казалось, великий свет угас не только над городом, но и над всем миром.

«Quomodo sedet sola civitas plena populo! Facta est quasi vidua domina gentium...»²

Его глаза медленно скользили по стихам «Плача Иеремии», начальные строки которого он только что произнес вслух. Увы, слова древнего пророка не передавали всей безмерности скорби, владевшей поэтом.

— Беатриче, — прошептал он, и у него сдавило сердце.

Даже сейчас, спустя два года после ее смерти, ему было трудно описывать свою утрату.

Она навсегда останется юной и благородной. Его вечной музой. Всей поэзии мира не поведать о его преданности Беатриче. Но во имя памяти, во имя их любви он предпримет такую попытку.

² «Как одиноко сидит город, некогда многолюдный! Он стал, как вдова; великий между народами...» Плач Иеремии, глава 1, стих 1.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Июнь 2011 года. Селинсгроув, штат Пенсильвания

Профессор Габриель Эмерсон стоял в дверях кабинета, засунув руки в карманы, и с нескрываемой страстью смотрел на свою жену. Он был рослым, атлетически сложенным мужчиной с запоминающейся внешностью и ярко-синими сапфировыми глазами.

Они познакомились, когда ей было семнадцать (ему — на десять лет больше). Габриель влюбился в нее с первого взгляда. Потом время и обстоятельства разлучили их. Не последнюю роль в этом сыграл его необузданный богемный образ жизни.

Но небеса оказались к ним благосклонны. Через шесть лет они вновь встретились в Торонто, когда она пришла аспиранткой на его поток. Их отношения возобновились, получили дальнейшее развитие, и через полтора года они поженились. Завершался шестой месяц их супружеской жизни, а любовь Габриеля к жене только крепла. Он завидовал воздуху, которым она дышала.

Габриель и так достаточно долго ждал того, чем собирался заняться. Скорее всего, жену требовалось соблазнить, а Габриель был опытным соблазнителем и этим очень гордился.

Пространство дома наполняли звуки «Mango» — песни Брюса Кокберна. Мелодия навевала

воспоминания о Белизе, куда они ездили еще до женитьбы. Им понравилось заниматься любовью под открытым небом, в разных местах, включая пляж.

Джулия сидела за письменным столом, не замечая ни музыки, ни пристального взгляда мужа. Она стучала по клавишам ноутбука. Вокруг громоздились книги и две коробки бумаг, которые Габриель услужливо принес ей с первого этажа. Когда-то этот дом принадлежал его родителям, а теперь являлся летней резиденцией супругов Эмерсон.

В Селингроув они приехали неделю назад — передохнуть от напряженной жизни в Кембридже, штат Массачусетс. Габриель занимал должность профессора в Бостонском университете. Джулия недавно закончила первый курс докторантуры. Ее руководительницей была замечательная женщина, блестящий ученый, много лет проработавшая в Оксфорде. Уехать в Селингроув супругов Эмерсон заставило не только желание передохнуть. В их доме на Гарвард-сквер шел грандиозный ремонт, создававший невыносимые условия для жизни.

Еще до их приезда в Селингроув старый дом Кларков подвергся коренной реконструкции, замысел которой был тщательно разработан Габриелем. Большая часть мебели, оставленная здесь Ричардом (его приемным отцом), перекочевала на склад. Если эстетические вкусы Габриеля тяготели к темному дереву и коже сочных коричневых тонов, Джулия предпочитала яркие цвета, как в домах на морском побережье. Ей нравились белые стены, белая мебель и

насыщенно-синие тона интерьера.

В кабинете Джулия повесила репродукции картин, украшавшие их дом на Гарвард-сквер: «Встречу Данте и Беатриче на мосту Санта-Тринита» Генри Холидея, «Весну» Боттичелли и «Мадонну с младенцем и двумя ангелами» Филиппо Липпи, на которую сейчас и был устремлен пристальный взгляд Габриеля.

Можно сказать, что эти картины иллюстрировали стадии отношений супругов Эмерсон. Первая символизировала их встречу и нарастающую страсть, которая охватила Габриеля. Вторая — стрелу Купидона, поразившую Джулию прямо в сердце, когда в первый день аспирантских занятий Габриель ее не узнал, а также их последующие бурные отношения и женитьбу. Лик Мадонны на картине Филиппо Липпи выражал чаяния Габриеля.

Вот уже третий вечер подряд Джулия плотно занималась подготовкой к своей первой публичной лекции, которую через месяц ей предстояло прочесть в Оксфорде. Четыре дня назад они занимались любовью прямо на свежевывкрашенном полу спальни, поскольку мебель им еще не привезли.

Оба измазались краской, и Джулия решила, что отныне «телесная живопись» станет их любимым развлечением.

Воспоминания о том вечере и нарастающий темп музыки подхлестывали Габриеля. Его терпение иссякало. Как-никак они молодожены, и он не позволит Джулии игнорировать выполнение супружеских обязанностей.

Габриель на цыпочках подкрался к жене, отвел ее длинные волосы и приложился к шее. Легкая щетина на щеке делала поцелуи более страстными.

— Идем, — прошептал он.

Кожа Джулии покрылась пупырышками. Длинные тонкие пальцы Габриеля плавно скользили по ее шее. Он ждал.

— Я еще не закончила с лекцией, — поворачивая к мужу свое прекрасное лицо, сказала Джулия. — Не хочу разочаровывать профессора Пиктон. Как-никак это она меня туда пригласила. Среди участников я самая молодая.

— Ты ее не разочаруешь. И времени на лекцию у тебя еще достаточно.

— Время мне нужно не только на лекцию. Надо ведь и дом привести в порядок. Через два дня приедут твои родственники.

— Они не мои родственники, — сверкнул глазами Габриель. — Они — *наши* родственники. А для уборки я найму прислугу. Бери плед и идем.

Обернувшись, Джулия увидела очень знакомый плед. Он висел на спинке белого мягкого стула, стоявшего у окна. За окном темнели кусты, которые росли по периметру двора.

— Я буду тебя охранять.

Габриель помог ей встать, обнял за талию и прижал к себе.

Сквозь тонкое летнее платье она почувствовала тепло его тела. Приятное, будоражащее тепло.

— И что тебя так тянет в этот сад, когда темно? —

задала провокационный вопрос Джулия.

Она сняла с мужа очки и положила на стол. Габриель и без очков смотрел на нее так, что его взгляд мог бы растопить снег.

— Когда я внутри тебя, мне хочется видеть, как лунный свет разливается по твоему обнаженному телу, — прошептал Габриель.

Он слегка закусил ей мочку уха, а затем стал целовать ее шею. От его поцелуев и покусываний сердце Джулии забило еще сильнее.

— Декларация желания, — прошептала она.

Только сейчас она услышала музыку, а ноздри ловили запах Габриеля — смесь мяты и одеколона «Арамис».

Габриель отпустил ее, как кот ненадолго отпускает мышь, продолжая следить за каждым движением.

— Думаю, Гвидо да Монтефельтро немного подождет, — сказала Джулия, поглядывая на свои тезисы.

— Уже более семисот лет он обитает на том свете. Уж что-что, а ждать он научился.

Джулия ответила мужу улыбкой и взяла его протянутую руку.

Они спустились вниз и пошли через двор. Настроение Габриеля заметно улучшилось.

— Ты когда-нибудь раньше занималась любовью в саду? — игривым тоном спросил он. Джулия вытаращила глаза и покачала головой. — Тогда я рад, что я у тебя первый.

— Габриель, ты у меня последний, — возразила

она, стискивая ему руку. — Ты мой единственный.

Габриель быстро пересек двор и, когда они вошли в сад, включил фонарик. Габриель шагал впереди, указывая Джулии корни и кочки.

Июнь в Пенсильвании выдался очень теплым. Листва деревьев и высоких кустов почти не пропускала свет луны и звезд. Весело щебетали вечерние птицы. Неутомимо стрекотали кузнечики.

Вскоре они оказались в центре сада, который успел зарости и сейчас больше напоминал цветочный луг. В дальнем конце темнели силуэты старых яблонь. Позади них Габриель посадил новые. Саженцы прижились и теперь тянулись к небу.

Напряжение, владевшее Габриелем, начало спадать. Может, это место действительно было священным, ибо всякий раз, придя сюда, он успокаивался.

Джулия наблюдала за его приготовлениями. Габриель аккуратно расстелил плед, затем выключил фонарик. Их сразу же окружила бархатная темнота. Полная луна скрыла свой лик за стайкой облаков. Над головой перемигивались островки звезд.

Прежде чем снять с жены платье, Габриель коснулся ее рук и скромного выреза.

— Как мне это нравится, — прошептал он.

Он неспешно любовался красотой Джулии, заметной даже в сумерках: изгибами ее скул, линией рта и большими выразительными глазами. Потом он осторожно приподнял ей подбородок, и их губы соединились.

Это был поцелуй пылкого любовника,

возвещавшего о своем желании. Габриель прижал к себе миниатюрное тело Джулии. Его пальцы заблудились в ее мягких каштановых волосах.

— А вдруг нас кто-нибудь увидит? — настороженно спросила Джулия, прежде чем засунуть свой язык в его рот.

Она ласкала мужа и ждала ответа.

— Это частная территория, — сказал Габриель. — И потом, как ты верно заметила, сейчас темно.

Он коснулся ямочек на ее щеках, словно те были его любимыми опознавательными знаками, а потом его руки скользнули к плечам Джулии. Он медленно снял с нее платье, и оно упало на плед. Одним молниеносным движением Габриель расстегнул ее лифчик.

Эти движения опытного любовника слегка рассмешили Джулию. Она прижала к себе свой черный кружевной лифчик, довольно прозрачный и оттого еще более сексуальный.

— А у тебя это здорово получается, — заметила она.

— Что именно? — спросил Габриель, ласкавший груди жены сквозь кружевную ткань.

— Снимать лифчики в темноте.

Ответом ей было подчеркнутое молчание Габриеля. Он не любил, когда ему напоминали о прошлом.

Джулия встала на цыпочки и поцеловала мужа в острый подбородок:

— Я ведь не жалею. Как-никак теперь все твое умение достается мне.

Габриель слегка сжал ей груди:

— Джулианна, отдаю должное твоему белью, но сейчас я предпочитаю видеть тебя обнаженной.

— Сомневаюсь, что мы выбрали подходящее место, — сказала она, внимательно оглядывая сад. — Мне все время кажется, что сюда кто-то ворвется.

— Посмотри на меня. — (Она послушно посмотрела на него.) — Мы здесь совершенно одни. А от зрелища твоего обнаженного тела у меня захватывает дух.

Габриель оставил в покое груди жены, и его руки отправились странствовать по холмам и долинам, ведущим к ее бедрам. Прикосновения были легкими, едва ощутимыми.

— Я тебя заслону, — пообещал он.

— Чем? Этим пледом?

— Своим телом. Даже если кто-нибудь и набредет на нас, обещаю: я не позволю никому любоваться тобой.

Уголки ее губ приподнялись в улыбке.

— Ты все продумываешь.

— Просто я думаю о тебе. А ты для меня — все.

Губы Габриеля прильнули к ждущим губам Джулии. Кружевной лифчик наконец-то полетел вниз. Габриель неторопливо и даже чуть лениво путешествовал внутри ее рта. Затем для Джулии настал черед расстаться с трусиками.

Теперь его Джулия стояла полностью обнаженной. В их саду.

«Боги садового секса, — мысленно взывала Джулия, — пожалуйста, сделайте так, чтобы никто нам не

помешал».

Она сняла с Габриеля рубашку. Несколько секунд поиграла завитками волос на его груди, после чего расстегнула его пояс.

Вскоре и Габриель освободился от одежды. Он обнял Джулию, и она невольно вздохнула.

— Хорошо, что вечер теплый, — прошептал он. — А то у нас только один плед.

Улыбаясь, Джулия легла. Габриель накрыл ее своим телом, осторожно сжав ладонями ее лицо. Даже в темноте его глаза оставались пронзительно-синими.

— «Ее, зардевшуюся, как заря, повел я в кущу брачную; влиянье благоприятное дарили нам все небеса и сочетанья звезд счастливые...»³

— «Потерянный рай», — прошептала Джулия, трогая щетину на его подбородке. — Но в этом месте я могу думать только про обретенный рай.

— Зря мы не поженились здесь. Вот где мы должны были впервые познать друг друга.

— Зато мы пришли сюда сейчас, — сказала Джулия, глядя его волосы.

Габриель снова поцеловал жену. Она с радостью ответила на его поцелуй. Вспыхнувшая страсть набирала силу.

За месяцы супружеской жизни их желание не притупилось, равно как и их занятия любовью не обрели черт привычности. Все слова превращались в движения и ласки благословенной телесной любви.

Габриель знал все любовные стадии своей жены: пробуждение желания, любовную взбудораженность,

нетерпение и мгновения экстаза. Они занимались любовью, окруженные темнотой и зеленым покровом жизни.

Старые яблони, помнившие более целомудренную любовь этой пары, сейчас деликатно отводили взгляд.

Когда наконец шквал страстей утих и к ним вернулось спокойное дыхание, Джулия лежала на плече, ощущая себя невесомой, и с восхищением разглядывала узоры звезд.

— А у меня кое-что есть для тебя, — вдруг сказал Габриель.

Он нашарил фонарик, включил, чтобы отыскать брюки, а затем повесил на шею Джулии что-то прохладное. Нагнув голову, она увидела ожерелье, составленное из колечек. С него свисали три талисмана в виде сердца, яблока и книги.

— Какая красота, — выдохнула Джулия, поочередно касаясь всех предметов.

— Из Лондона. Серебро. Только сердце золотое. Оно олицетворяет нашу встречу.

— А книга?

— На ее обложке выгравировано: «Данте».

Джулия озорно взглянула на мужа:

— Неужели я забыла о какой-то дате?

— Нет. Мне просто нравится делать тебе подарки.

Джулия крепко его поцеловала. Габриель повернул ее на спину и погасил фонарик.

Когда они вновь утолили свою страсть, он коснулся плоского живота Джулии, поцеловав впадинку под своим пальцем:

— А сюда я хочу поместить своего ребенка.

Эхо вернуло из темноты его слова.

— Что? — переспросила Джулия, застыв от изумления.

— Я хочу зачать с тобой ребенка.

У нее перехватило дыхание.

— Так рано?

— Мы никогда не знаем, сколько времени нам отпущено, — сказал Габриель, задумчиво водя пальцем по ее коже.

Джулия подумала о Грейс — приемной матери Габриеля — и о своей родной матери, которую звали Шарон. Обе женщины умерли далеко не старыми, но при разных обстоятельствах.

— Данте потерял Беатриче, когда той было двадцать четыре года, — продолжал Габриель. — Для меня потерять тебя — это был бы конец всему.

— Перестань говорить страшные вещи. — Джулия погладила ему ямочку на подбородке. — Особенно здесь, на празднике нашей любви.

Габриель густо поцелуями ее живот, затем лег на бок.

— Я почти пережила возраст Беатриче, и я здорова. — Джулия дотронулась до татуировки на его груди: кровотокающего сердца, внутри которого было начертано женское имя. — Ты боишься повторения истории с Майей?

— Нет, — сухо ответил Габриель, но его напрягшееся лицо говорило другое.

— Твои опасения вполне оправданны.

— Я знаю, что она счастлива.

— Я тоже в это верю.

— Ты хотела еще что-то сказать? — спросил Габриель, уловивший в ее тоне недоговоренность.

— Я думала о Шарон.

— И что?

— Такой матери, как она, не хочется подражать.

— Ты будешь прекрасной матерью, — заверил жену Габриель, целуя ее в губы. — Ты добрая, любящая и терпеливая.

— Не уверена, что у меня все получалось бы правильно.

— Но ты же не одна. Мы бы оба искали решения. Уж если кому и беспокоиться, так это мне. Мои настоящие родители — классический пример неблагополучной семьи. Да и я сам вел отнюдь не благочестивую жизнь.

Джулия покачала головой:

— Ты замечательно ладишь с малышом Тэмми. Даже твой брат это признает. Но нам с тобой еще рано думать о ребенке. Мы женаты всего полгода. И потом, мне хочется защитить докторскую диссертацию.

— Если помнишь, я ведь не возражал, — заметил Габриель, проведя пальцем по ребрам Джулии.

— Супружеская жизнь — это замечательно. Но нам обоим нужно к ней привыкнуть.

— Согласен. — Палец Габриеля замер. — Однако мы должны думать и о будущем. Чем раньше я начну консультироваться с врачами, тем лучше. С тех пор как я сделал вазэктомию, прошло достаточно времени.

Кто знает, сумею ли я вернуть детородную функцию.

— Но ведь это не единственный для нас способ иметь детей. Есть и другие варианты. Наконец, мы могли бы взять ребенка из францисканского сиротского приюта во Флоренции... Когда настанет время.

В словах Джулии звучала надежда.

Габриель отвел прядь волос с ее лица:

— Мы можем испробовать все варианты. После конференции я хочу забрать тебя в Умбрию. Побудем там до открытия флорентийской выставки. Но когда мы вернемся из Европы, я намерен встретиться со своим врачом.

— Хорошо.

Габриель притянул жену к себе. Теперь Джулия лежала на нем. Он дотронулся до ее бедер, и по ее телу пронесся странный электрический разряд.

— Когда ты будешь готова, мы начнем пробовать варианты.

— Нам понадобится обширная практика, — улыбнулась Джулия.

— Вне всякого сомнения.

³ Джон Милтон. Потерянный рай. Книга 8, стихи 510–511. Перевод Аркадия Штейнберга.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На следующее утро Джулия проснулась очень рано, когда еще только начало светать. В спальне было тихо, если не считать мерного дыхания спящего Габриеля и отдаленного щебетания птиц.

Джулия натянула одеяло к подбородку и закрыла глаза, заставляя свое дыхание успокоиться. Но от ее усилий кошмарные видения недавнего сна сделались лишь ярче.

Ей снилось, что она в Гарварде. Она бежала по кампусу, разыскивая здание, где должна была сдавать выпускной экзамен на степень доктора. Она то и дело останавливала и спрашивала встречных, но никто и понятия не имел, в каком месте проводится этот экзамен.

Потом она услышала детский плач и ужаснулась: неизвестно откуда у нее на руках оказался младенец. Джулия прижала его к груди и попыталась успокоить, однако ребенок продолжал плакать.

В следующее мгновение она вдруг увидела перед собой профессора Мэтьюса — декана своего факультета. Слева от него, на стене, — бумажный лист с крупной стрелкой, указывающей аудиторию, где проходил выпускной экзамен. Аудитория была совсем рядом, но Мэтьюс загородил собой дверь, заявив, что дети на экзамен не допускаются.

Джулия стала возражать. Она обещала, что успокоит ребенка и тот будет молчать. Она умоляла Мэтьюса дать ей шанс. От этого экзамена зависело, получит ли она степень доктора и станет ли специалистом по Данте. В противном случае ей грозило отчисление из докторантуры.

Как назло, младенец у нее на руках заплакал еще громче. Профессор Мэтьюс нахмурился, кивнул в сторону лестницы и велел Джулии уйти.

Почувствовав на себе руку Габриеля, Джулия решила, что он тоже проснулся. Нет, Габриель продолжал спать. Должно быть, он поймал импульсы ее отчаяния и инстинктивно протянул руку, стараясь ее успокоить. Джулия смотрела на мужа со смешанным чувством любви и тревоги. Ее тело все еще дрожало после кошмарного сна.

Встав, она проковыляла в ванную, включила свет и пустила душ, надеясь, что горячая вода ее успокоит.

Ярко освещенная ванная отчасти разогнала тьму, скопившуюся внутри.

Стоя под душем, исторгавшим настоящий тропический ливень, Джулия изо всех сил старалась забыть и кошмарный сон, и тревоги, одолевавшие ее наяву: лекцию, скорый приезд родственников и внезапное желание Габриеля завести ребенка.

Пальцы Джулии теребили серебряное ожерелье — его вчерашний подарок. Она знала, что Габриель хочет детей от нее. Об этом они достаточно много говорили еще до помолвки и тогда же согласились обождать, пока Джулия не закончит докторантуру. То

есть оба согласились на пять или даже шесть бездетных лет.

«Тогда почему вчера Габриель вдруг заговорил о детях?» — подумала Джулия.

Ей вполне хватало учебы. В сентябре начнутся занятия и постепенная подготовка к выпускным экзаменам, которые ей сдавать на следующий год.

Но сейчас ее главной заботой была оксфордская лекция, до которой оставались считанные недели. В прошлом семестре, занимаясь у профессора Маринелли, Джулия написала реферат по творчеству Гвидо да Монтефельтро. Руководительнице ее работа понравилась. О реферате узнала профессор Пиктон и стала убеждать Джулию отправить в Оксфорд тезисы своей лекции.

Тезисы одобрили, чему Джулия была несказанно рада. И в то же время она замирала при мысли, что ей придется выступать перед целой аудиторией дантоведов, читать лекцию тем, кто был гораздо опытнее и эрудированнее ее.

И вдруг Габриель заявляет, что в августе, после возвращения из Европы, он намерен вернуть себе способность к деторождению.

«А что, если его попытка окажется успешной?»

Джулия почувствовала себя виноватой. Конечно же, она хочет ребенка от Габриеля. Она знала: устранение результатов вазэктомии — это не просто физиологическая процедура. Это еще и символ его самопрощения, означавший, что трагедия Майи и Полины более не будет тяготеть над ним. Габриель

считал себя достойным стать отцом и воспитывать детей.

Они оба молились о детях. После свадьбы они посетили гробницу святого Франциска, и каждый спонтанно помолился, прося Бога благословить их брачный союз и послать им детей.

«Если Бог желает ответить на наши молитвы, как я могу сказать ему: „Обожди“?»

Джулия упрекала себя за эгоизм. Наверное, рождение ребенка ей следовало поставить выше докторантуры и карьеры. Гарвард от нее не уйдет. Примеров было более чем достаточно. Обзаведясь детьми, многие женщины потом продолжали учебную и научную деятельность.

«А если Габриель не хочет ждать?»

Он был прав, когда вчера напомнил ей о краткости жизни. Смерть Грейс — наглядное тому подтверждение. Как только Габриель восстановит способность к зачатию, он, скорее всего, не станет мешкать. Посмеет ли она сказать ему «нет»?

Габриель был подобен всепоглощающему пламени. Его желания и страсти, казалось, подминали под себя желания тех, кто его окружал. Как-то он сказал Джулии, что она единственная, кто отважился сказать ему «нет». Скорее всего, он был прав.

Сможет ли она воспротивиться искреннему, выстраданному желанию мужа иметь детей? Джулией овладело стремление сделать Габриеля счастливым, даже если для этого ей придется пожертвовать своими планами и мечтами.

Перед ней пронесли картины собственного детства. Жизнь с Шарон в Сент-Луисе, бедность, заброшенность. Все изменилось, когда она пошла в школу, где стала делать успехи. Ее интеллект и самодисциплина очень помогли ей, когда она поступила в Университет Святого Иосифа и потом, во время аспирантуры в Торонтском университете.

Ее первый год в Гарварде тоже был успешным. Неужели она должна все это бросить? Сейчас весьма неподходящее время, чтобы беременеть и рожать.

Закрыв лицо руками, Джулия просила Бога дать ей силы.

** ** *

Через несколько часов проснувшийся Габриель в футболке с эмблемой Гарварда и шортах вошел на кухню. В руках он держал кроссовки и носки. Габриелю хотелось пить. Он потянулся к холодильнику за водой и только сейчас заметил Джулию. Его жена сидела на кухонном острове, обхватив руками голову.

— Вот ты где, — сказал Габриель, бросая носки и кроссовки на пол. Он крепко поцеловал Джулию. — А я проснулся, смотрю — тебя нет.

У Джулии под глазами темнели круги. Вид у нее был усталый и расстроенный.

— Что-то случилось?

— Ничего. Я навела порядок на кухне и в холодильнике. Сейчас корплю над списком продуктов.

Она показала на большой лист бумаги, исписанный ее ровным почерком. Рядом с листом стояла недопитая чашка давно остывшего кофе и лежал еще один лист — со списком текущих дел.

Габриель обвел глазами сверкающую кухню. Даже пол был отмыт до блеска.

— Сейчас только семь часов. Не рановато ли ты занялась уборкой?

— У меня полным-полно дел, — сказала Джулия.

Судя по ее голосу, делами она занималась через силу.

Габриель взял ее за руку, провел большим пальцем по ладони:

— У тебя усталый вид. Ты плохо спала?

— Я очень рано проснулась и никак не могла снова заснуть. Вот и занялась уборкой. Мне еще нужно убрать в комнатах и в ваннах. Потом надо будет отправиться в магазин и решить, чем кормить гостей. И... — Она шумно и тяжело вздохнула, содрогнувшись всем телом.

— И что еще? — спросил Габриель, наклоняясь, чтобы видеть ее глаза, бегавшие по списку дел.

— Нельзя расхолаживаться. Я даже одеться не успела.

Она затянула кушак своего бледно-голубого шелкового халата и собралась встать, но Габриель усадил ее обратно:

— Тебе незачем тратить силы на уборку. Я обещал

найти уборщицу, значит найду. И в магазин съезжу после пробежки.

— Ты мне очень поможешь. Спасибо. — Ее плечи слегка расслабились.

— Иди и ляг. Я давно не видел тебя такой уставшей, — сказал Габриель, глядя жену по щеке.

— У меня еще столько дел, — прошептала она.

— Ими займусь я. А тебе нужно готовиться к лекции, — напомнил Габриель, сопроводив свои слова легкой улыбкой. — Но вначале поспи. Усталый мозг — работник никудышный. — Он снова поцеловал Джулию, после чего сам отвел ее наверх, уложил в постель и укрыл одеялом. — Понимаю, мы впервые пригласили сюда гостей. Но из-за них ты не должна превращаться в горничную. Мне совсем не хочется, чтобы наша родня выбивала тебя из рабочего графика. Сегодня ты весь день будешь заниматься своей лекцией. Об остальном забудь. Остальным займусь я. — Поцеловав ее в лоб, Габриель выключил свет и ушел.

** ** *

Во время пробежек Габриель обычно слушал музыку, но сегодня ему было не до его любимых композиций. Джулианна переутомилась, и это видно невооруженным глазом. Она не любила рано вставать, а сегодня, похоже, поднялась ни свет ни заря.

Можно было бы повременить с приглашением родственников. Пусть спокойно готовилась бы к лекции. Сейчас — единственное время, когда они могли остаться вдвоем. Потом — Оксфорд и Италия, где они пробудут бóльшую часть лета.

Габриель забыл, сколько времени и сил отнимают гости. Он никогда не приглашал к себе более двух человек. Всеми бытовыми хлопотами занималась прислуга. Его доходы позволяли возить гостей на обед в рестораны.

Бедняжка Джулианна. Габриель вспомнил свои годы, проведенные к Гарварде. Летние каникулы никогда не были временем отдыха. Обязательно находились какие-нибудь дела. Нужно было учить языки и готовиться к экзаменам.

Как хорошо, что сейчас он преподаватель, а не аспирант. Он бы ни за что не согласился поменяться с Джулией местами. В годы его аспирантуры тяготы учебы усугублялись попойками, кокаином и П...

Носок кроссовки уткнулся в поребрик тротуара. Габриель споткнулся, но удержал равновесие и быстро выровнял темп бега, заставив себя смотреть под ноги.

Он не любил вспоминать о времени, проведенном в Гарварде. Теперь, когда они с Джулией поселились в Кембридже, на него нахлынули былые воспоминания о наркотиках. Порой Габриелю казалось, что он чует запах кокаина, проникающий в ноздри. Проезжая по кампусу или входя в то или иное здание, он вдруг испытывал острое, болезненное желание «вмазаться».

До сих пор, слава богу, ему удавалось

противостоять этим атакам. Еженедельные встречи в обществе «Анонимные наркоманы» помогли ему справиться с зависимостью, равно как и ежемесячные встречи с психотерапевтом.

И конечно же, его главным лекарством была Джулианна.

Если в прошлом году в Ассизи Габриель ощутил, как на него снизошла высшая сила, то Джулия стала его настоящим ангелом-хранителем. Она любила его, вдохновляла. Она сделала его жилище настоящим домом. И все же Габриелю было не отделаться от страха, что благосклонность небес не более чем временная уловка, а потом Джулию у него отнимут.

С той поры как Джулианна пришла на его поток в Торонтском университете, Габриель разительно изменился. Однако ему было никак не побороть ощущение, что он недостойн постоянного счастья. Самосаботаж стал его поведенческим шаблоном. Психотерапевт предупреждал его об этом.

Почти два года назад от рака умерла его приемная мать Грейс. Ее преждевременная смерть явилась впечатляющим символом скоротечности и неопределенности человеческой жизни. Если вдруг случится так, что он потеряет Джулианну...

«Если у вас с ней будет ребенок, ты ее не потеряешь».

Тихий, спокойный голос, звучащий у него внутри.

Габриель увеличил скорость бега. Голос был прав, но желанием иметь детей от Джулианны двигал не страх ее потерять. Габриелю хотелось иметь

настоящую семью, хотелось, чтобы в доме звенел детский смех, а в душе крепла уверенность, что его дети получат все, чего не получил он от своих непутевых родных отца и матери.

Габриель ничего не рассказывал Джулии о бурях, бушевавших у него внутри. Ей и так хватало забот, чтобы добавлять к ним свои. Она достаточно поволновалась из-за его зависимостей и страхов, не говоря уже о душевной боли, которую он причинил ей.

Бегая по знакомым местам, Габриель пытался понять, почему сегодня утром у Джулии был такой несчастный, измученный вид. Вчера они провели потрясающую ночь, празднуя свою любовь в старом саду, а затем продолжили дома, в постели. Может, он ненароком сказал ей что-то обидное? Может, ее задело что-то в его действиях? Но их занятия любовью, как и всегда, были страстными и нежными.

Правда, существовала еще одна причина. Как же он не вспомнил об этом раньше? Габриель мысленно отругал себя за забывчивость. Приезжая в Селинсгроув, Джулианна становилась настороженной. Ее страх имел вполне конкретное основание. Полтора года назад, когда она приехала к отцу, в его дом вломился ее бывший дружок Саймон и попытался изнасиловать ее. Джулия заявила в полицию. Затем Натали — нынешняя подруга Саймона — подстерегла Джулию в местном ресторанчике и стала шантажировать, требуя забрать заявление из полиции. В противном случае Натали угрожала распространить

фотографии непристойного содержания, на которых была запечатлена Джулия.

К счастью, Джулия не испугалась и заявила Натали, что такое не в интересах Саймона и в особенности его отца-сенатора, метившего в президенты. Натали работала у него в избирательном штабе. На тех снимках она была не одна, а вместе с Саймоном.

Габриель сомневался, что слова Джулии остудили пыл Натали, но тогда все свои сомнения он держал при себе. Он хорошо знал: испив однажды из колодца шантажа, люди вроде Натали и Саймона будут пытаться снова и снова зачерпнуть оттуда.

Габриель еще раз выругался и побежал с изматывающей скоростью. Он так и не рассказал Джулии, что сделал тогда. Меньше всего ему хотелось говорить об этом сейчас. Но если она по-прежнему боится гадостей со стороны Саймона и Натали, придется рассказать ей правду...

** ** *
* * *

Вернувшись с пробежки, Габриель застал Джулию - спящей. Увидев голые ступни, торчащие из-под одеяла, он усмехнулся. У его жены была интересная манера спать: натягивая одеяло чуть ли не на нос, она высовывала ноги наружу.

Габриель все-таки прикрыл ей ноги и отправился в душ. Джулия так и не проснулась. Габриель спустился

вниз, взял ее списки и направился к машине. Если удача ему улыбнется, то еще до пробуждения жены он сумеет купить все необходимое, а заодно и нанять уборщицу.

** ** *

К одиннадцати часам вечера Джулия сошла вниз. Габриель, положив ноги на скамеечку, сидел в гостиной в кожаном кресле и читал. Глаза за стеклами очков быстро скользили по строчкам.

— С пробуждением тебя, дорогая, — улыбнулся он и закрыл книгу.

— Что читаешь?

Габриель показал ей обложку. Книга называлась «Путь странника»⁴.

— Интересная?

— Очень. Ты читала роман Сэлинджера «Фрэнни и Зуи»?

— Читала, но очень давно. А почему ты спрашиваешь?

— В романе эту книгу читала Фрэнни, и та сильно всколыхнула ее. Оттуда я и узнал о существовании «Пути странника».

— О чем она? — поинтересовалась Джулия, вертя книгу в руках.

— О русском православном христианине, который пытается научиться непрестанной молитве.

— И что? — удивленно спросила Джулия.

— Мне захотелось узнать, научился ли он этому.

— Ты о чем-то молишься?

— Очень о многом, — почесывая подбородок, ответил Габриель.

— Например?

— О том, чтобы стать хорошим человеком, хорошим мужем, а со временем — и хорошим отцом.

Джулия слегка улыбнулась и вновь посмотрела на книгу:

— Мне думается, каждый из нас находится в духовном путешествии.

— Только одним удается продвинуться дальше, чем другим.

Джулия отложила книгу и уселась мужу на колени:

— Я так не считаю. По-моему, мы все гоняемся за Богом, пока Он нас не поймает.

— Получается что-то вроде «Небесной гончей»⁵, — усмехнулся Габриель.

— Похоже.

— Больше всего в тебе меня восхищает твое сострадание к слабости человеческой натуры.

— Габриель, я не образец добродетели. У меня есть свои пороки. Просто они скрыты. — Джулия обвела глазами гостиную. На ковре виднелись следы от пылесосной щетки. С мебели исчез серый налет пыли. В воздухе пахло лимоном и хвоей. — Как приятно видеть дом, приведенный в порядок. Спасибо, что нашел уборщицу. Я сегодня очень продуктивно поработала.

— Отлично. — Габриель посмотрел на нее поверх очков. — Как ты себя чувствуешь?

— Значительно лучше, — ответила Джулия, склоняя голову ему на плечо. — Спасибо за обед.

— Когда я тебе принес его, ты не была голодна, — напомнил Габриель, ероша ей волосы.

— Я потом его умяла. Раньше мне было не прерваться. Завязла в одной проблеме и крутила ее с разных сторон.

— Тебе помочь? — спросил Габриель, снимая очки и кладя их на книгу.

— Нет. Не хочу, чтобы думали, будто я не умею работать самостоятельно и ты пишешь за меня.

— Я предлагал тебе совсем не это, — с обидой в голосе возразил Габриель.

— Мне необходимо все сделать самой.

— А по-моему, ты придаешь излишнее значение чужому мнению, — фыркнул Габриель.

— Я вынуждена с ним считаться, — резко ответила Джулия. — Если я представлю работу, которая будет похожа на написанную тобой, другие это заметят. Криста Петерсон уже распускает сплетни про нас. Пол мне сообщил.

— Криста — завистливая сука, — хмуро бросил Габриель. — Только в своей карьере она идет не вперед, а назад. Колумбийский университет заставил ее поехать в Италию и заниматься там в рамках программы магистратуры по философии. Они не намерены сразу допускать ее до докторантуры. Я недавно говорил с деканом ее факультета в

Колумбийском университете. Узнал, что Криста вовсю поливает нас грязью. Не понимает, что хуже делает только себе... Кстати, а Пол что, звонил тебе? — поинтересовался Габриель, подвигаясь к спинке кресла.

— Нет. Прислал электронное письмо. Он был на конференции в Калифорнийском университете. Там видел Кристу и слышал сплетни, которые она распространяет.

— Ты до сих пор не дала мне почитать текст твоей лекции. Правда, мы с тобой так много говорили о Гвидо, что я хорошо представляю, о чем ты пишешь.

Джулия закусилла большой палец, но промолчала.

Габриель крепче обнял ее:

— Моя книга тебе помогла?

— Да. Но я избрала другое направление, — неохотно призналась Джулия.

— Джулианна, другое направление — это обоюдоострый меч. Оригинальность вызывает восхищение, но иногда проверенные методы лучше. Они существуют не по чьей-то прихоти.

— Завтра я дам тебе почитать, если у тебя будет время.

— Оно у меня обязательно будет, — пообещал Габриель, вода вверх и вниз по ее спине. — Мне не терпится прочесть. Моя цель — не срезать тебя, а помочь. Ты же это знаешь.

— Знаю, — ответила Джулия, снова утыкаясь ему в грудь. — Просто волнуюсь о том, что ты подумаешь.

— Обещаю: я буду честен и ориентирован на

поддержку.

— Это лучшее, на что я могу надеяться, — улыбнулась Джулия. — А сейчас уложи меня в постель и отвлеки.

— От чего тебя отвлечь? — спросил он, лукаво щурясь.

— От мыслей о лекции. Подразни меня своим голым телом. Оно прекрасно отвлекает.

— А если я еще не созрел до постели?

— В таком случае я лягу одна и буду отвлекаться, как умею.

Джулия встала, потянулась, искоса поглядывая на мужа.

В ту же секунду Габриель подхватил ее на руки и взбежал по ступенькам на второй этаж.

⁴ Название переведенной на английский язык русской книги «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», впервые изданной в 1880-е годы. Автор книги неизвестен. В книге описывается практика непрерывного повторения Иисусовой молитвы («умное делание»). Эту практику называют еще «русской йогой».

⁵ Стихотворение английского поэта-мистика Фрэнсиса Томпсона.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— С такой трактовкой нельзя выступать перед специалистами. — Габриель расхаживал по кабинету, сжимая в руке текст лекции Джулии.

— Почему нельзя? — испуганно спросила она, отрываясь от ноутбука.

— Потому что это неверный ход. — Габриель бросил листы на письменный стол, затем снял очки и швырнул их поверх бумаг. — Святой Франциск приходит за душой Гвидо да Монтефельтро после того, как тот умирает. Мы с тобой это обсуждали, и ты согласилась.

Джулия скрестила руки на груди. Это была ее обычная защитная поза.

— Я изменила свое мнение.

— Но такая интерпретация — единственная, в которой есть здравый смысл!

Джулия сглотнула и покачала головой.

Габриель возобновил свои хождения взад-вперед.

— Мы с тобой обсуждали это еще в Белизе. Потом, когда мы временно расстались, я послал тебе иллюстрацию. Черт побери, неужели ты собираешься встать перед уважаемой аудиторией и заявить, что такого никогда не было?!

— Если бы ты прочитал мои сноски...

Габриель замер и посмотрел на свою упрямую

жену:

— Я их прочитал. Ни один из упомянутых тобой авторов не позволяет себе заходить так далеко, как ты. А ты всего-навсего предаешься умозрительным рассуждениям.

— Всего-навсего? — Она оттолкнулась от стола, скрипнув колесиками кресла. — Я нашла несколько достоверных источников. Их точка зрения во многом совпадает с моей. Профессору Маринелли понравился мой текст.

— Она слишком снисходительно к тебе относится.

— Слишком снисходительно? — переспросила Джулия, от неожиданности открыв рот. — Уж не думаешь ли ты, что и профессор Пиктон пригласила меня на конференцию всего-навсего из вежливости?

Лицо Габриеля смягчилось.

— Разумеется, я так не думаю. Она тебя высоко ценит. Но я не хочу, чтобы ты портила впечатление о себе, выступая перед маститыми учеными со своей наивной концепцией. Если бы ты внимательно прочитала мою книгу...

— Я прочитала вашу книгу, профессор Эмерсон. Ты лишь вскользь упоминаешь текст, который я анализирую. И ты *наивно* принимаешь стандартную версию истолкования, даже не задумавшись. А стоило бы.

Габриель сощурился.

— Я принимаю версию, в которой нахожу смысл, — ледяным тоном произнес он. — Наивно принимать что-либо — такое мне вообще не свойственно.

Джулия встала, шумно засопев от досады и отчаяния:

— Ты что же, вообще не оставляешь за мной права на собственные идеи? Или, по-твоему, я должна повторять чужие мнения, поскольку их высказывали столпы, а я всего-навсего заурядная аспирантка?

— Я такого не говорил, — багровея, возразил Габриель. — Хочу тебе напомнить: когда-то и я был аспирантом. Но теперь я пребываю в ином качестве, и мой опыт мог бы тебе пригодиться.

— Знакомая песня! — Джулия сердито взмахнула руками и вышла из кабинета.

Габриель двинулся следом:

— Как прикажешь понимать твои слова? Что значит «знакомая песня»?

— Тебе не нравится, что о наших научных разногласиях узнают другие, — не оборачиваясь, ответила Джулия.

— Чепуха!

— Ах, чепуха? — Джулия резко повернулась к мужу. — Тогда почему ты требуешь изменить текст моей лекции, чтобы он совпадал с идеями твоей книги?

— Этого я от тебя не требую, — сказал Габриель, беря ее за руку. — Я пытаюсь тебе помочь, чтобы ты не выставила себя в дурацком...

— Что ты сказал? — Джулия сбросила его руку.

— Ничего. — Габриель закрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Это позволило ему продолжать разговор в более спокойном тоне. —

Если начать прямо сейчас, ты успеешь до конференции переработать свою лекцию. Я помогу.

— Мне не нужна твоя помощь. И смысловую линию лекции я тоже не собираюсь менять. Тем более что ее фрагменты уже размещены на сайте конференции.

— Я позвоню Кэтрин, — ободряюще улыбаясь, пообещал Габриель. — Она поймет.

— Ты не будешь ей звонить. Я ничего не собираюсь менять.

Габриель стоял с плотно сжатыми губами.

— Сейчас не время упрячиться.

— Нет, время. Это моя работа! Моя лекция!

— Джулианна, послушай...

— Ты беспокоишься, что я выставлю себя в дурацком свете. И тебе придется за меня краснеть.

— Я такого не говорил.

По глазам Джулии чувствовалось, что ее обидели, если не сказать — предали.

— Ты это только что сказал. — Джулия прошла в спальню и попыталась закрыть дверь, но Габриель вцепился в дверную ручку: — Что ты задумала?

— Пытаюсь избавиться от твоего присутствия.

— Джулианна, постой. — Габриель беспомощно озирался по сторонам. — Мы ведь можем спокойно поговорить об этом.

— Нет, не можем, — возразила она, ткнув его пальцем в грудь. — Я уже не твоя аспирантка. Мне позволено иметь собственные идеи.

— Ты полностью переиначиваешь мои слова. — (Джулия молча пошла в ванную.) — Джулианна,

постой, черт тебя поberi! — рывкнул Габриель, оставаясь в дверях.

— Не ори на меня!

Габриель поднял руки, показывая свою готовность к капитуляции, но внутри его продолжали бушевать эмоции, и он снова сделал несколько глубоких вдохов и выдохов.

— Прости меня. Давай сядем и поговорим.

— Сейчас я не могу с тобой разговаривать. Боюсь наговорить того, о чем потом пожалею. Да и тебе нужно успокоиться.

— Куда ты?

— В ванную. Я запру дверь и до конца дня прошу меня не беспокоить. Иначе я поеду к отцу.

Габриель поморщился. В последний раз Джулия останавливалась у отца года полтора назад, еще до их женитьбы.

— И как ты туда доберешься?

— Не волнуйся, без машины тебя не оставлю. Возьму такси.

— В этом городишке нет такси. Тебе придется вызывать машину из Санбери.

Джулия сердито посмотрела на него:

— Знаю, Габриель. Ты не забыл, что я когда-то жила здесь? Должно быть, ты всерьез считаешь меня идиоткой.

Зайдя в ванную, она не только закрыла дверь, но и щелкнула замком. Габриель отчетливо слышал этот щелчок. Выждав немного, он постучал в дверь: — Послушай, ведь скоро приедут Рейчел, Эрон и Ричард.

Что я им скажу?

— Скажи им, что я идиотка. Добавь, что убедился в этом.

— Джулианна, выслушай меня. Пожалуйста. — (Ответом ему был шум воды.) — Прекрасно! — крикнул Габриель. — Первая ссора, и ты трусливо запираешься в этой чертовой ванной! — Он с размаху двинул рукой по двери.

Шум воды стих.

— Моя первая публичная лекция, и ты называешь ее чепухой. И не потому, что материал никудышный, а только из-за того, что я не соглашаюсь с тобой и с твоей чертовой книжкой!

** ** *

Джулия долго лежала в горячей ванне, а когда вышла, спальня была пуста.

Быстро одевшись, она на цыпочках пробралась в коридор, остановилась возле лестницы и прислушалась.

Обрадованная тем, что в доме одна, Джулия прошмыгнула в кабинет и заперлась там. Включив для фона мягкий, неназойливый джаз, она продолжила работу над лекцией.

** ** *

— Где Джулия?

Это был первый вопрос, который задала Рейчел, едва успев обняться с братом. Не дожидаясь ответа, она вкатила в гостиную свой небольшой чемодан и чемодан Эрона. Рейчел явилась в штанах цвета хаки и белой футболке с V-образным вырезом. То и другое замечательно сидело на ее высокой, гибкой фигуре. Длинные светлые волосы были гладко зачесаны назад. Половину ее симпатичного лица скрывали большие темные очки. Ее можно было смело помещать на рекламный плакат фирмы «ГЭп».

— Джулия? Вовсю шлифует свою лекцию, — ответил Габриель, и его лицо напряглось.

— Ты что, не сказал ей о нашем приезде? — Рейчел подошла к лестнице, задрала голову и крикнула: — Эй, Джул! Оторви свою задницу от письменного стола! Мы приехали.

— Рейчел, — поморщился ее отец.

Он тоже вошел в гостиную и обнялся с Габриелем. Ричард Кларк был на пару дюймов ниже своего приемного сына. Светловолосый, сероглазый, он отличался скромностью, рассудительностью и был очень доброжелателен. Неудивительно, что Ричарда уважали все, кто его знал.

Тишина наверху показалась Рейчел подозрительной. Она повернулась к брату и впилась в него такими же серыми, как у отца, глазами: — Почему Джулия прячется?

— С чего ты взяла? — наигранно удивился

Габриель, пожимая руку вошедшего Эрона. — Она вовсе не прячется. Просто не слышала, как ты ее позвала... Комнаты для вас готовы. Полотенца в гостевой ванной. Отец, ты можешь расположиться в своей старой спальне.

— Мне будет неплохо и в гостевой. — Подхватив сумку, Ричард пошел наверх.

— Вы никак поссорились? — спросила Рейчел, недоверчиво глядя на брата.

Габриель сжал губы и, не отвечая на вопрос сестры, сказал:

— Зайди к ней сама. Потом все встретимся на заднем крыльце. Выпивка будет вас ждать. Я там готовлю барбекю из ребрышек.

— Ребрышки? Фантастика, — облизнулся Эрон, похлопывая Габриеля по спине. — Я хотел по дороге заскочить за «Короной», но Рейчел отказалась. Тогда я сейчас быстренько сгоняю.

Эрон вытащил из кармана ключи от машины и пошел к выходу, но был остановлен женой. Рейчел выразительно покачала головой. Габриель решил, что ему самое время покинуть супругов.

— Жду вас на заднем дворе, — бросил он, направляясь в сторону кухни.

— Они явно поцапались, — заявила мужу Рейчел. — Я поднимусь к Джул, а ты пообщайся с Габриелем. Может, он тебе что-нибудь расскажет. Потом съездишь за «Короной».

— Теперь-то им из-за чего цапаться? — удивился Эрон, приглаживая свои темные вьющиеся волосы.

— Кто знает? Быть может, Джулия без спросу навела порядок в его коллекции галстуков-бабочек.

** **
* * *

— Привет! — Рейчел открыла дверь бывшего отцовского кабинета.

— Привет, Рейч! — улыбнулась лучшей подруге Джулия.

Они обнялись. Рейчел уселась в кресло возле окна:

— Как дела?

— Великолепно.

— Что вы не поделили с Габриелем? — (Джулия опустила глаза.) — Не умеешь врать — говори правду.

Джулия отвернулась.

— С чего ты решила, что между нами что-то произошло? — спросила она.

— Мне достаточно было взглянуть на кислую физиономию братца. Да и твое личико не светится счастьем. И потом, в доме ощущается напряженность. Не надо быть экстрасенсом, чтобы это почувствовать.

— Я не хочу об этом говорить.

— Мужики все болваны.

— Тут я с тобой согласна. — Джулия села в кресло напротив Рейчел и закинула ноги на подлокотник.

— Мы с Эроном тоже, бывает, цапанемся. Он сразу шизеет, пулей вылетает из дому, пару часов где-нибудь болтается, но потом всегда возвращается. —

Рейчел внимательно посмотрела на подругу. — Хочешь, я устрою Габриелю взбучку?

— Не надо. Но ты права. Мы поссорились.

— Из-за чего?

— Я допустила ошибку. Дала ему прочитать текст лекции, которой сейчас занимаюсь. Он раскритиковал меня в пух и прах. Сказал, что это не лекция, а ужас какой-то.

— Так и сказал? — От удивления Рейчел даже привстала.

— Ему понадобилось меньше слов.

— Что это на него нашло? По мне, так я бы запустила чем-нибудь в его профессорскую голову.

— У меня была такая мысль, — криво усмехнулась Джулия. — Не захотелось потом кровь оттирать.

Рейчел засмеялась:

— С чего это он назвал твою лекцию ужасной?

— Ему моя концепция не понравилась. Считает ее ошибочной. Говорил, что старается мне помочь.

— Понятно. Габриель в своем репертуаре. Непробиваемое стремление контролировать все вокруг себя. Теперь еще и твою лекцию. Не удивляюсь, что ему было не справиться с собой без психотерапевта.

Некоторое время обе молчали.

— Я не хочу, чтобы Габриель мне врал с благородной целью пощадить мои чувства. Если текст лекции нуждается в доработке, я должна об этом знать.

— А ему пора бы научиться помогать, не обижая

других своим высокомерием.

Джулия шумно выдохнула, вновь чувствуя отчаяние:

— Согласна. Мне, знаешь, эти его перепады настроения... То он мечтает о полноценной семье. А через мгновение — прежний профессор Эмерсон, снисходительно-нетерпимый и готовый навязывать свое мнение.

— Подожди, я не ослышалась? Он что, хочет детей?

— Да, — поежилась Джулия.

— Джул, так это же здорово! Я так рада за вас обоих. И когда вы собираетесь приступить к осуществлению замысла?

— Не сейчас. Мы договорились обождать, пока я закончу докторантуру.

— Как долго, — задумчиво произнесла Рейчел.

— Сама посуди: заниматься одновременно докторской диссертацией и ребенком... Боюсь, мне не потянуть.

Рейчел кивнула, теребя свою футболку.

— Мы бы хотели завести ребенка, — призналась она.

— Уже сейчас? — спросила Джулия, придвигаясь ближе.

— Возможно.

— А как ты поняла, что готова?

— Нет, я пока не беременна, — улыбнулась Рейчел.

— Просто я всегда хотела детей, и Эрон тоже. Мы с ним говорили об этом еще в старших классах. Я люблю Эрона и могла бы счастливо прожить с ним

вдвоем. Но в будущем я всегда вижу нас окруженными детьми. Я хочу, чтобы было кому приезжать к нам на Рождество. Не знаю, сколько уроков мне преподала мамина смерть. Но один я усвоила крепко. Я вдруг воочию увидела, насколько непредсказуема жизнь. Не хочу откладывать детей на потом. Так можно и свой шанс потерять.

Слушая подругу, Джулия была готова заплакать. Она усиленно моргала, не давая слезам пролиться.

— Но ведь ты каждый год делаешь маммографию.

— Да. И еще я сделала генетический тест. У меня нет наследственной предрасположенности к раку груди. Наверное, и у мамы тоже не было. А если и была, врачи слишком поздно ее обнаружили. Слишком поздно.

— Рейч, прости. Я не хотела трогать эту тему.

Рейчел вздохнула и повернулась к окну:

— Я сама не люблю ее трогать, но подспудные опасения остаются. Вдруг рождение детей спровоцирует рак? Я постоянно об этом помню... Кстати, дети — единственный способ избавить Габриеля от его снисходительности и прочих замашек.

— Это как?

— Когда ребеночек вдруг вывернет содержимое подгузника на его дорогие брюки, Габриелю станет не до высокомерия. Он будет громко звать тебя и умолять о помощи.

Джулия засмеялась, однако смех быстро стих.

— Я просто хочу, чтобы он понял: мои идеи тоже важны, и ничуть не менее его собственных.

— Конечно важны. Так ему и скажи.

— Скажу. Но в данный момент мы с ним не разговариваем.

Рейчел задумчиво водила пальцами по подлокотнику кресла.

— Габриель прошел долгий путь. Я рада видеть его женатым и говорящим о детях. Это так здорово. Мама рассказывала: когда они с отцом привели его в дом, он долгое время припрятывал у себя в комнате еду. Не верил их словам и поступкам и всегда стремился хоть что-то унести со стола к себе.

— Он был настолько голоден?

— Он боялся, что ему снова придется голодать. Габриель не верил, что приемные родители будут его кормить. Вот он и делал запас на случай, когда кормежка прекратится. И вещи свои долго не распаковывал. До тех пор, пока его официально не усыновили. Он все время боялся, что родители прогонят его из дому.

— Я этого не знала, — сказала Джулия, ощущая внезапную тяжесть на сердце.

Рейчел с сочувствием посмотрела на нее:

— Габриель — мой брат. Я люблю его. Но он привык говорить не подумав. Скорее всего, его рассердило, что ты построила лекцию по-своему, а не так, как хотелось бы ему.

— Я и не собираюсь подстраиваться под него. У меня есть свои идеи.

— Мой тебе совет: поговори с ним. Конечно, будет неплохо его помуржить. Пусть поспит на диване.

— Увы, на диване, скорее всего, придется спать мне, — сказала Джулия, махнув в сторону дивана, стоявшего у противоположной стены.

** ** *
* * *

Обед проходил напряженно. И это еще мягко сказано.

Джулия сидела рядом с Gabrielem. Во время застольной молитвы они даже держались за руки. Но все это было не более чем отрешенной, доставляющей страдания вежливостью. Ни теплых взглядов, ни слов любви, произнесенных шепотом, ни мимолетных касаний рук под столом.

Габриель сидел прямо, как гвардеец. Его лицо оставалось холодным. Джулия была тихой и словно бы находившейся далеко отсюда.

Всю беседу за столом поддерживали Ричард, Эрон и Рейчел. Чета Эмерсон не произнесла и нескольких фраз. После обеда Джулия отказалась от десерта и вернулась в кабинет. Габриель проводил ее взглядом. У него дергалась жилка на подбородке, однако он не сказал ни слова и не сделал ни одной попытки задержать жену. Он просто смотрел ей вслед.

Когда Рейчел ушла на кухню готовить кофе, Эрон решил, что с него достаточно.

— Слушай, приятель, хватит держаться за свою гордость. Пойди и извинись перед ней.

— А с чего ты решил, что я виноват? — с неподдельным изумлением спросил Габриель.

— Потому что из вас двоих только у тебя есть яй...

— Поймав укоризненный взгляд тестя, Эрон стал кашлять. — Статистика утверждает, что восемьдесят процентов ссор происходит по вине мужчин. Попроси у нее прощения, и все будет нормально. Я не выдержу еще одной попытки за столом. Мне было так холодно, что захотелось выйти на улицу и согреться.

— Пожалуй, я соглашусь с Эроном, хотя ты и не спрашиваешь моего мнения, — деликатно усмехаясь, сказал Ричард.

Габриель смотрел на обоих почти с нескрываемым раздражением.

— Я пытался поговорить с ней. С этого как раз и началась наша ссора. Джулия закрылась в ванной и велела мне проваливать.

Ричард с Эроном понимающе переглянулись.

— Тебе не позавидуешь, — присвистнул Эрон. — Лучше помирись с нею до ночи, иначе будешь спать на диване. — Эрон тряхнул головой и ушел к жене на кухню.

Ричард задумчиво постукивал по ножке рюмки.

— И ты, Брут? — хмуро спросил Габриель.

— Я ничего не говорил, — заботливо глядя на сына, ответил Ричард. — Я стараюсь не лезть в дела взрослых детей.

— Спасибо и на этом.

— Те, кто давно живет в браке, часто советуют молодым парам обязательно помириться еще до

захода солнца. В этом есть свой резон. Если не давать семейным проблемам разрастаться, вы существенно облегчите себе жизнь.

— Я не могу нормально разговаривать через закрытую дверь.

— Еще как можешь. Когда-то ты ухаживал за Джулией. Поухаживай снова.

Таких слов Габриель явно не ожидал.

— Ты что же, предлагаешь мне ухаживать за собственной женой? — недоверчиво спросил он.

— Я предлагаю тебе не поддаваться нашептываниям своего эго, извиниться перед Джулией, а потом внимательно выслушать ее. К сожалению, я это понял далеко не сразу. Учись на моих ошибках.

— Вы с мамой были идеальной парой.

— Наш брак был далек от идеала, — засмеялся Ричард. — Но мы с первых лет совместной жизни договорились: ни в коем случае не допускать, чтобы дети видели и слышали, как мы ссоримся. Дети очень страдают от родительских ссор. По собственному опыту скажу: основных причин супружеских размолвок не так уж и много. Пары ссорятся из-за денег, секса и отсутствия уважения и внимания. — Габриель попытался возразить, однако Ричард поднял руку. — Я ведь не спрашиваю, из-за чего вы поссорились. Это касается только вас двоих. Но все мы заметили, что чувства Джулии задеты. За обедом она сидела с отсутствующим взглядом, погруженная в себя. Такой она была в юности, до того, как

познакомилась с тобой.

— Я был и остаюсь доступен для рационального общения, — не сдавался Габриель, из которого так и лез прежний профессор Эмерсон.

— Прислушайся к своим словам, — сказал Ричард, и теперь в его тоне звучал упрек. — У Джулии явно есть причины обидеться. Ты сделал ей больно. А когда кто-то делает тебе больно, то самое разумное — отступить, уйти в себя. Особенно если вспомнить историю ее жизни.

— Я не собирался делать ей больно, — поморщился Габриель.

— Конечно не собирался. Но я уверен и в другом: в вашем споре ты вел себя нечестно. Умение спорить с супругой — это искусство, а не наука. Мы с твоей матерью долго постигали это искусство и, когда постигли, практически перестали ссориться. Мы спорили, но в спорах вели себя достойно и не стремились побольнее уколоть друг друга. Если ты споришь с Джулией, но она знает, что ты по-прежнему ее любишь и она тебе дорога, ваши конфликты будут очень легко разрешаться. — Ричард допил вино и отодвинул пустую рюмку. — Послушай совет человека, который прожил в браке достаточно долго и который воспитал дочь. Когда женщина становится холодной и уходит в себя — это способы ее защиты. Еще раз предлагаю тебе: будь нежен с женой и убеди ее открыть дверь. Иначе тебе придется провести на диване еще немало одиноких ночей.

** ** *

Только в первом часу ночи Джулия выключила ноутбук. Она не сомневалась, что все уже легли спать. Она слышала, как гости расходились по комнатам.

Тихо подойдя к двери кабинета, Джулия осторожно выглянула в коридор. Из-за закрытой двери хозяйской спальни пробивался свет. Скорее всего, Габриель лег и читал.

Может, пойти к нему? До спальни было всего несколько шагов, однако сейчас это расстояние казалось ей непреодолимым.

После обеда Джулия взяла из их ванной бутылку с пеной для ванны. Сейчас она снова заберется в ванну, но уже в другую, для гостей. Ляжет в горячую ароматную воду и постарается забыть о своих печалях.

Через полчаса Джулия вернулась в кабинет и закрыла дверь. Ванна освежила ее, но желанного расслабления почти не принесла. Если Габриель не делает шагов к примирению, что ж, она будет спать на диване.

Она легла, накрылась старым шерстяным одеялом, на котором они лежали в ту первую памятную ночь. Джулия думала об их доме в Кембридже, о нескольких месяцах безоблачного семейного счастья. Как счастливы были они оба.

Ей хотелось стать профессиональным дантоведом. Путь этот был долг и требовал самопожертвования,

напряженной работы и смирения. Джулия вовсе не считала себя непогрешимой, поднявшейся над критикой. Конечно же, текст ее лекции требовал доработки и улучшения.

Но когда Габриель заявил, что она выставит себя на посмешище, ее пронзила нестерпимая душевная боль. Она так ждала его слов ободрения и поддержки. Зачем говорить, сколь низкое место занимает она в ученом мире? Ее вера в себя и так была достаточно шаткой.

«Неужели он не видит, что я нуждаюсь в его поддержке?»

Печаль не утихала, а, наоборот, нарастала, поднимаясь изнутри. Почему, почему за весь вечер он не пришел к ней?

Наверное, ему не было скучно без нее. Они с Ричардом сидели на заднем крыльце, покуривали сигары и говорили о прошлом. Интересно, а что он сказал Рейчел? Как объяснил возникший конфликт? Ну почему она лежит здесь одна, в темноте, готовая разреветься, а ему совсем неплохо и без нее?

В этот момент Джулия услышала скрип приоткрывшейся двери, затем быстрые, решительные шаги Габриеля. Он остановился возле кабинета.

Джулия села на постели и затаила дыхание. Из-под двери пробивалась полоска неяркого света.

«О боги ссорящихся молодоженов, пожалуйста, заставьте его постучаться в мою дверь».

Потом она услышала тягостный вздох и еще один звук. Похоже, рука Габриеля коснулась дверной ручки. Полоску света загородила тень. Еще через

мгновение тень исчезла. Габриель вернулся в спальню.

Джулия подтянула ноги к самому подбородку, но не заплакала.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ранним утром Джулию разбудил звонок мобильного.

Комнату наполнили первые такты «Message in a Bottle» — старого хита английской группы «Полис». Джулия посмотрела на телефон, подрагивавший на письменном столе, однако не встала.

Через несколько минут она услышала другой сигнал, сообщавший о приходе эсэмэски. Ей стало любопытно. Встав, Джулия прошла к столу и взяла мобильник. Естественно, послание было от Данте Алигьери.

Я виноват.

Пока она думала над ответом, пришло новое сообщение.

Прости меня.

Джулия изменила направление мыслей. В коридоре слышались шаги, а затем — негромкий стук в ее дверь.

Пожалуйста, впусти меня.

Третье сообщение заставило Джулию подойти к двери и слегка приоткрыть ее.

— Привет, — смущенно улыбаясь, произнес Габриель.

Взглянув на него, она увидела, что он побывал в душе — об этом говорили еще влажные волосы, — но не побрился. Лицо покрывала соблазнительная черная

щетина. Габриель был в белой футболке и старых джинсах. Босой. Джулия невольно залюбовалась мужем.

— И это повод, чтобы будить меня в шесть утра? Вопрос прозвучал холоднее, чем ей хотелось бы.

— Джулианна, я виноват перед тобой.

Вид у него был сокрушенный. Покаянному виду способствовали воспаленные глаза и мятая одежда. Казалось, Габриель только что достал ее из какого-нибудь мешка, собранного для Армии спасения, и надел, не особо разглядывая.

— Ты сделал мне больно, — прошептала Джулия.

— Я знаю и сожалею об этом. — Габриель шагнул вперед. — Я заново перечитал текст твоей лекции.

— И ты постучался в дверь, чтобы это сообщить мне? — спросила Джулия, упираясь рукой в бок.

— Я позвонил. Ты не ответила, — сказал он и улыбнулся. — Это напоминает мне времена Торонто, когда я был вынужден лазить к тебе через окно.

Щеки Джулии вспыхнули. Она вспомнила Габриеля, стоявшего под окнами, с пакетом, где был принесенный им обед. Она тогда только что вышла из душа и приветствовала его, завернувшись в полотенце.

— Ты кое-что забыла. Кое-что важное. — У него в руках была репродукция: «Спор за душу Гвидо да Монтефельтро». — Вчера я нашел ее в спальне на полу. Уже не помню, кто из нас ее нес, но кто-то уронил.

Джулия не обратила внимания на репродукцию,

которую в свое время Габриель сунул в ее почтовый ящик в Торонто. Сейчас ее больше интересовало выражение лица Габриеля. Чувствовалось, он взволнован. В глазах — нескрываемая тревога. Пальцы теребили мокрые волосы.

— Конечно, тебе нужно было побыть наедине с собой. Но нельзя находиться в разлуке так долго. Ты позволишь войти?

Джулия отступила, пропуская его. Габриель вошел. Джулия села на диван, свернулась калачиком и закуталась в старое одеяло.

Габриель следил за ее движениями. Джулия приняла защитную позу. Положив иллюстрацию на крышку ноутбука, он встал, засунув руки в карманы.

— Я заново перечитал текст твоей лекции, а затем взялся за «Ад». — Он смотрел ей в глаза. — Вчера я сказал недопустимые вещи.

— Спасибо.

Ее поза стала менее напряженной.

— У меня есть предложения по улучшению текста. — Габриель уперся бедрами в край стола. — Знаю, что для тебя важно стоять на собственных ногах. Но если тебе требуется помощь, я буду рад помочь.

— Я с удовольствием приму твои советы, если ты не станешь говорить, в каком направлении я должна думать.

— Этого я бы тебе никогда не сказал. Да и как я могу? — Его лицо смягчилось. — Я многое люблю в тебе, и не в последнюю очередь — твои идеи. — Его взгляд упал на картинку. — Извини, я был излишне

придирчив. Но пойми, Джулианна: тема твоей лекции отчасти имеет личный характер. История Франциска, рисковавшего жизнью в аду ради спасения души Гвидо, схожа с моей историей. С историей моего признания, сделанного перед дисциплинарным комитетом тогда, в Торонто.

Джулия сразу же почувствовала комок в горле. Она не любила мысленно возвращаться к событиям того времени. Дисциплинарный комитет и ее временный разрыв с Габриелем были слишком болезненными воспоминаниями.

— Должен признаться: моя обостренная реакция была вызвана не только ходом твоих рассуждений. Меня задело то, что я посчитал твоим отходом от этой истории. От нашей истории.

— У меня и в мыслях не было отмахиваться от столь значимых событий. Я же знаю: ты тогда рисковал всем, только бы мне помочь. И еще я знаю, что ты прошел через настоящий ад. — Лицо Джулии сделалось решительным. — Если бы мы вдруг поменялись ролями, я бы ради твоего спасения спустилась в ад.

Улыбка тронула уголки его рта.

— Беатриче знала, что не может сопровождать Данте в его странствиях по аду. Вместо себя она послала Вергилия.

— Единственный известный мне Вергилий — это Пол Норрис⁶. Сомневаюсь, что ты обрадовался бы его помощи.

— Пол едва ли годится на роль Вергилия, —

хмыкнул Габриель.

— А для меня он тогда стал Вергилием.

Габриель нахмурился. Его и сейчас корежило при мысли об участии, какое принял Пол в судьбе Джулии.

— Я был сущим придурком. И тогда, и сейчас. — Габриель оторвался от стола и встал перед Джулией, засунув руки в карманы. — Ты позволишь? — спросил он с явным намерением сесть рядом.

Она кивнула.

Габриель сел, протянул руку. Джулия приняла ее.

— Я не хотел делать тебе больно.

— Знаю. Я тоже сожалею, что так вышло.

Габриель пересадил жену себе на колени и зарылся лицом в ее волосы:

— Не хочу, чтобы ты запиралась в ванной, только бы меня не видеть.

Он прижался губами к ее губам. Джулия почти мгновенно ответила на его поцелуй.

Габриель целовал ее, но сдержанно. Его губы были теплыми и зовущими. Он осторожно двигал языком, наслаждаясь ее ртом. Не выдержав, Джулия обняла его за шею и притянула к себе.

Габриель дразнил ее, ведя языком по тонкой щели между губами. В конце концов Джулия открыла рот. Язык Габриеля осторожно проскользнул внутрь. Их языки встретились. Его поцелуи никогда не лгали. Слова не требовались, чувства говорили гораздо больше. Джулия ощущала его раскаяние и грусть. Но даже они не притушили пламени его желания. Это она

тоже чувствовала.

Его руки незаметно переместились с ее лица к бедрам. Габриель приподнял ее, и теперь Джулия сидела на нем, широко расставив ноги. Они продолжали крепко обниматься.

— Идем в постель, — хриплым умоляющим голосом произнес Габриель, лаская ей ягодицы.

Его возбуждение нарастало.

— Идем.

— Вот и хорошо, — прошептал Габриель, прижимаясь губами к ее уху. — У нас предостаточно времени до пробуждения наших гостей и завтрака.

— Мы все-таки должны считаться с гостями, — напомнила Джулия, отстраняясь от него.

— Ничего мы не должны, — возразил Габриель, и его синие глаза опасно блеснули. — Сейчас ты в этом убедишься.

** ** *

— Минувшая ночь была ужасной, — признался Габриель.

Он лежал на спине, засунув руку под голову. Прикрываться одеялом ему не хотелось. В спальне было тепло. Его любимая жена лежала рядом — на животе и тоже совершенно голая. В такие моменты Габриель жалел, что нельзя вот так целыми днями голышом валяться в постели.

— Да, ужасной, — согласилась Джулия. Она приподнялась на локте, чтобы видеть его глаза. — Почему ты не пришел и не поговорил со мной?

— Я хотел заново перечитать текст твоей лекции. И еще мне казалось, что тебе нужно побыть одной.

— Я не люблю ссориться с тобой, — сказала Джулия. Она нагнула голову. Пряди волос качнулись, чуть прикрыв ей грудь. — Я просто ненавижу ссоры, — добавила она.

— Я тоже не люблю с тобой ссориться, — признался Габриель. — И меня это удивляет. Раньше я обожал такие ссоры. Ты превращаешь меня в пацифиста.

— Сомневаюсь, Габриель, что ты когда-нибудь станешь пацифистом. — Ее голос задрожал. — Ноша аспирантки тяжела. Мне нужна твоя поддержка.

— Она у тебя есть, — страстно прошептал Габриель.

— Пойми: в своей лекции я вовсе не собиралась опровергать твою точку зрения. Просто... так получилось.

— Иди ко мне.

Джулия легла на него, и руки Габриеля сомкнулись у нее на спине.

— Мы должны найти иной способ выражения профессиональных разногласий. Без повторения вчерашнего. Мое сердце этого не выдержит.

— Мое тоже, — шепотом призналась Джулия.

— Обещаю тебе впредь не становиться эгоистичным придурком, если ты пообещаешь не

запираться от меня в ванной, — сказал Габриель, сверля ее глазами.

— Обещаю не запираться в ванной, если ты не будешь вторгаться в мое пространство. Я чувствовала, как обстановка накаляется все сильнее, и пыталась на время исчезнуть. Ты не желал меня отпустить.

— Намек понят. Мы можем пока прервать наш научный спор, но потом обязательно к нему вернуться. И не на следующее утро. Я не допущу, чтобы кто-то из нас снова спал на диване.

— Согласна. Спать на диване очень неудобно и одиноко.

— Когда мы говорили о тексте твоей лекции, я не сумел правильно выразить то, что хотел сказать. Прости меня. Меня беспокоило вовсе не наше расхождение во мнениях. Фактически это даже хорошо. Пусть научное сообщество увидит и отметит, что ты способна думать самостоятельно.

— Пойми: для меня расхождение во мнениях не самоцель, — сказала Джулия, слегка наморщив лоб.

— Конечно нет. — Габриель хотел было поцеловать морщинку на ее лбу, но та уже исчезла. — Как бы тебя это ни удивляло, иногда я могу ошибаться.

— Мой профессор может ошибаться? — засмеялась Джулия. — Невероятно.

— Да. Тебя это удивляет? — Он покачал головой и криво усмехнулся. — Но когда я вторично прочитал текст твоей лекции, он меня убедил. Я понял: да, общепринятая интерпретация ошибочна.

— Что? — не веря своим ушам, переспросила

Джулия.

— То, что слышала. Твоя лекция изменила мою точку зрения. Но последнюю часть можно сделать еще сильнее, и у меня на этот счет есть несколько предложений. Твои рассуждения в последней части не показали мне убедительными.

— Подсказки мне не помешают. Я обязательно упомяну тебя в сносках.

Руки Габриеля застыли на ее ягодицах.

— Почту за честь быть упомянутым в одной из твоих сносок.

— Значит, ты не считаешь весь текст лекции ужасным? — помолчав, спросила Джулия. — И я не выставляю себя на посмешище?

— Нет. Едва я обуздал свое спонтанное неприятие и вчитался в твою аргументацию, я понял, что профессор Маринелли права. У тебя хорошая лекция.

Джулия прижалась щекой к его груди:

— Спасибо. Трудно заниматься исследованиями в той же области, что и ты. Мне постоянно кажется, будто я пытаюсь угнаться за тобой.

— Я готов расширить и усилить свою поддержку. Мы с тобой не конкуренты. В дальнейшем я бы с радостью написал с тобой совместную статью.

— Ты серьезно? — вскинула голову Джулия.

— Мы с тобой оба любим Данте. Почему бы не появиться творческому плоду нашей совместной любви? Я горд, что у тебя хватает мужества отстаивать свои убеждения. Когда настанет время твоей защиты в Оксфорде, я буду сидеть на первом

ряду и думать: «Это моя девочка».

— Я всегда мечтала об этом, и вот моя мечта исполнилась.

— Тогда я буду постоянно повторять тебе эти слова.

⁶ Здесь обыгрывается второе имя Пола — Верджил.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Эмерсоны покинули спальню только перед ланчем. Выглядели они спокойными и счастливыми. Гости благоразумно воздержались от комментариев.

Днем число гостей увеличилось. Приехал брат Габриеля Скотт вместе с женой Тэмми и малолетним сыном Куинном. Помимо них, к раннему обеду подъехал отец Джулии Том со своей подругой Дайаной.

Сорокалетняя Дайана Стюарт была миловидной афроамериканкой с безупречно гладкой кожей, громадными темными глазами и вьющимися волосами до плеч. Она была почти на десять лет моложе Тома, которого знала очень давно, поскольку всю свою жизнь провела в Селингроуве.

Наступило время десерта. Пройдя на кухню, Дайана увидела танцующих Габриеля и Джулию. По желанию Габриеля звуковые колонки были установлены во всех помещениях дома, и музыка звучала повсюду. Сейчас это были мягкие аккорды латиноамериканского джаза.

Обнявшись, молодожены плавно покачивались в такт музыке. Габриель что-то шепнул Джулии на ухо. Она смущенно отвернулась, но он притянул жену к себе и стал целовать.

Дайана хотела было вернуться в гостиную, но ее подвела старая половица, скрипнувшая под ногами.

Супруги разом оборвали танец и повернулись к ней.

Дайана улыбалась:

— Вижу, здесь что-то стряпается, но никак не яблочный пирог.

Габриель громко и счастливо засмеялся. Джулия лишь улыбнулась, прижавшись к нему лбом. Дайана одобритительно кивнула: — Вы так долго готовите кофе, что я подумала, не разучились ли вы его заваривать.

Габриель запустил пальцы в волосы, уже порядком взъерошенные Джулией.

— Дорогая, как у нас с кофе? — спросил он.

— Кофе готов. Пироги остывают. Скоро можно будет подавать десерт.

Джулия неохотно разомкнула руки. Габриель, не удержавшись, слегка погладил ее по спине.

В этот момент на кухне появились Рейчел и Тэмми. Тэмми недавно вошла в круг семьи. Всего месяц назад она вышла замуж за младшего брата Габриеля. Она была высокой женщиной (рост пять футов и одиннадцать дюймов) с соблазнительной фигурой, длинными золотисто-рыжими волосами и голубыми глазами.

— Что происходит в этом славном месте? — спросила Рейчел, подозрительно глядя на брата, словно тот был единственным виновником проволочек с десертом.

— Мы готовили кофе, — ответила Джулия. Скрывая смущение, она принялась разливать напиток по чашкам.

— Охотно верю, — лукаво произнесла Тэмми и подмигнула.

— А я вот сомневаюсь, что они тут кофе готовили, — сказала Дайана, грозя молодоженам пальцем.

— Это пусть дамы решают без меня.

Габриель порывисто поцеловал жену и покинул кухню.

Рейчел придирчиво осмотрела яблочные пироги, разложенные на обеденном столе, и пальцем проверила, насколько они остыли.

— Дай-ка нож, Джул. Хочу попробовать, как они пропеклись.

— Вот это другое дело, — одобрительно произнесла Дайана.

Она отказалась от предложенного Джулией кофе и уселась на табурет.

— Так что вы здесь стряпали? — спросила Рейчел. — И скажи мне, что ты не притрагиваешься вот к этому.

Она покосилась на столешницы из гранитной крошки, заменившие прежние поверхности разделочных столов. Они появились здесь по настоянию Габриеля.

— Слишком холодные.

Спohватившись, Джулия зажала рот рукой, но было слишком поздно. Женщины дружно засмеялись и начали беззастенчиво ее поддразнивать.

— Здесь жарко или это меня одну жар разбирает? — спросила Дайана, обмахиваясь бумажной салфеткой. — Пожалуй, теперь я буду называть это жилище

домом любви.

— При моих родителях так оно и было, — сказала Рейчел, оглядывая кухню. — Вряд ли они занимались этим на разделочных столах. Но они были очень страстной парой. Должно быть, кухня хранит воспоминания о них.

Джулия могла бы подтвердить слова подруги. В кухне, да и во всем доме, ощущались тепло и уют. Их с Габриелем постоянно тянуло обниматься, и она не без усилий над собой выскальзывала из его рук, чтобы заниматься своей лекцией.

— Значит, мой старший братец попросил прощения за вчерашнее? — спросила Рейчел, глядя на Джулию.

— Да, — ответила та, слегка покраснев.

— Что ж, приятно слышать. И все равно я с ним поговорю. Это в его стиле: сначала поскандалить, а потом бежать за цветами. Или за бриллиантами.

Взгляд Джулии невольно упал на кольцо, подаренное Габриелем в честь их помолвки: крупный бриллиант в окружении мелких.

— Их он подарил мне достаточно.

— Миленькое колечко, дорогая, — похвалила Дайана. — И твое не хуже, — добавила она, глядя на левую руку Тэмми. — Ну и как тебе замужняя жизнь?

Свет галогеновых ламп переливался на гранях кольца Тэмми.

— Я не верила, что это случится.

— Почему? — удивилась Рейчел, жуя пирог.

Тэмми посмотрела в сторону гостиной:

— А не пора ли подавать десерт?

Рейчел проглотила кусок:

— У наших мужчин ноги еще не отсохли. Захотят пирога — сами придут и возьмут.

Тэмми хихикнула и обеими руками взяла чашку с кофе.

— Прежде чем мы начали встречаться со Скоттом, у меня был другой мужчина. Мы познакомились в юридическом колледже. Сблизились, стали жить вместе. Говорили о свадьбе, о покупке дома и обо всем, о чем говорят в таких случаях. Потом я забеременела.

Джулия заерзала на табурете, вперившись в пол.

Тэмми с грустью посмотрела на женщин:

— Для Скотта это явилось полной неожиданностью, но его родители были счастливы. Жаль, что я не застала Грейс. Судя по рассказам, она была замечательной женщиной.

— Да, Тэмми, — подтвердила Рейчел. — Что касается планирования семьи... Габриель не был запланированным ребенком. Когда умерла его родная мать, родители взяли его к себе и потом усыновили. Дело не в планировании. Важно, как все поворачивается потом.

— Мы с Эриком говорили о детях, — кивнула Тэмми. — Я верила, что мы оба хотим детей. И вдруг Эрик решил, что не готов быть отцом. Он подумал, что я забеременела с целью привязать его к себе.

— Можно подумать, ты забеременела сама по себе, — хмыкнула Дайана, взмахнув вилкой.

Джулия промолчала. Ей было стыдно признаваться,

что она понимает неготовность Эрика становиться отцом, хотя его последующие действия не вызывали в ней никакого сочувствия.

— Эрик поставил мне ультиматум: ребенок или он. Увидев, что я колеблюсь, он меня бросил.

— Вот стервец, — пробормотала Рейчел.

— Я была раздавлена. Я понимала, что ответственность за эту беременность лежит не только на мне, но все равно корила себя. Нужно было надежнее предохраняться. Я даже подумывала об аборте, однако Эрика рядом уже не было. А где-то в глубине души мне хотелось стать матерью. — (Джулия вновь поежилась, пораженная искренностью Тэмми.) — Мне было тяжело одной оплачивать квартиру, и я вернулась к родителям. Я чувствовала себя проигравшей по всем статьям: беременная, одинокая, вынужденная жить в родительском доме. Я часто плакала по ночам, думая, что ни один мужчина не захочет взять меня с ребенком.

— Я так тебе сочувствую, — призналась Джулия, на глаза которой навернулись слезы.

Тэмми обняла ее:

— Потом жизнь мне улыбнулась. Но я никогда не прощу Эрику отказ от его отцовских прав. Куинн вырастет, не зная родного отца.

— «Доноры спермы» еще не значит «отцы», — возразила Рейчел. — Ричард не производил Габриеля на свет, но Габриель считает его своим отцом.

— Уж не знаю, каков был родитель Габриеля. Должно быть, красавчик, если такого парня произвел,

— сказала Дайана, кивая в сторону гостиной. — Конечно, мой милый покрасивее будет, но тем не менее.

Джулия хихикнула. Ей было трудно представить, что кто-то считал ее отца красивым.

— Хорошо, что у меня тогда была работа, — продолжала Тэмми. — Я работала у окружного прокурора. Там и познакомилась со Скоттом. Когда была беременна, мы с ним пару раз куда-то ходили. Между нами были чисто дружеские отношения. Я думала, что после рождения ребенка он не захочет встречаться со мной. Но родился Куинн, и через несколько недель Скотт пришел к нам и спросил, не хочу ли я куда-нибудь пойти. Я была просто ошеломлена.

— Насколько помню, он сам был ошеломлен, — засмеялась Рейчел. — Братец втюрился в тебя по уши.

Тэмми крутила кольцо, любуясь игрой света.

— Это было так неожиданно. Я кормила Куинна грудью, и мне пришлось сцеживать молоко. Мои родители вызвались посидеть с внуком. Знаете, Скотт никогда не ставил меня в неловкое положение. Он видел во мне не мать-одиночку, а женщину. Человека. Я, еще когда встречалась с Эриком, чувствовала, что нравлюсь Скотту. — Она оглядела собравшихся и улыбнулась. — Я очень волновалась перед знакомством с вами. Но вы меня так хорошо встретили. — Тэмми повернулась к Джулии. — Я тогда впервые увидела Габриеля. И поразилась, какой он приветливый. Куинн ему костюм обмочил, а он и

глазом не моргнул.

— Скажи спасибо Джулии, — усмехнулась Рейчел и скорчила рожу. — Случись это раньше, Габриель вручил бы твоему малышу счет за химчистку.

Джулия хотела было встать на защиту Габриеля, но Тэмми заговорила снова: — Нет, Габриель на такое не способен. Я помню, как он замечательно играл с Куинном. Вы спросите, а как Скотт? Отцовство меняет мужчину. Хорошего мужчину, — поспешно добавила она. — Скотт устраивает с Куинном борцовские состязания на полу. Любит играть. И так нежен с ним. Я и не подозревала, что он способен на это.

«Интересно, каким отцом будет Габриель?» — думала Джулия, слушая слова Тэмми.

— Жду не дождусь, когда у нас родится девочка, — с улыбкой призналась Тэмми. — Скотт будет носиться с ней, как с принцессой.

— Вы хотите еще детей? — удивилась Рейчел.

— Да. Думаю, нам вполне хватило бы двоих, но, если снова родится мальчик, я сделаю еще одну попытку родить девочку.

Их разговор был прерван появлением Скотта. На руках у него дремал Куинн, которому через три месяца должно было исполниться два года. Кивнув женщинам, Скотт подошел к Тэмми: — По-моему, ему пора спать.

Джулия улыбнулась контрасту: рослый, плечистый Скотт заботливо держал на руках золотоволосого ангелочка.

— Я тебе помогу. — Тэмми встала, поцеловала мужа, и они втроем пошли наверх.

Рейчел вспомнила о десерте:

— Отнесу-ка я нашим мужчинам по кусочку.

Она нарезала пирог, разложила по тарелкам и понесла их в гостиную.

Дайана вертела в руках пустую чашку, поглядывая на Джулию.

— Дорогая, можно с тобой поговорить?

— Конечно, — ответила Джулия, поворачиваясь к Дайане. — Не знаю, как сказать. Ладно, скажу как умею. Я провожу много времени с твоим отцом.

— Так это же здорово, — подбодрила ее Джулия.

— Он познакомился с моей матерью и другими родственниками. Он даже начал ходить со мной по воскресеньям в церковь. Я там пою в хоре.

Ее отец ходит по воскресеньям в церковь. Ну и ну!

— Когда отец спросил, может ли он приехать с тобой на мою свадьбу, я поняла, что у вас серьезные отношения.

— Я его люблю, — прошептала Дайана.

— Да ну? — У Джулии округлились глаза. — А он об этом знает?

— Конечно. Он меня тоже любит. — Дайана смущенно улыбнулась. — Мы с ним говорили о будущем. Строили планы...

— Так это же чудесно.

— Ты так думаешь?

Темные глаза Дайаны внимательно смотрели на Джулию.

— Я счастлива, что у моего отца появилась женщина, которая его любит. Не хочется упоминать имени Деб. Ты знаешь, они долгое время были вместе, а совместной жизни не получилось. Честно говоря, я не воспринимала их как пару.

Дайана молчала, словно обдумывая услышанное.

— Мы с твоим отцом говорили о том, чтобы... по-настоящему. Насовсем. Но ты знай: когда это произойдет, я не буду пытаться занять место твоей мамы.

Джулия сжалась:

— Шарон не была мне мамой.

— Прости, если что не так сказала. — Дайана взяла ее за руку.

— Вряд ли отец рассказывал тебе о ней. Если и рассказывал, то немного.

— Я его и не спрашивала. Зачем будить прошлое? Когда мужчина захочет, сам расскажет.

Джулия молча прихлебывала остывший кофе. Ей было тяжело говорить и даже думать о родной матери. Шарон умерла, когда Джулия училась в выпускном классе. Ее мать была алкоголичкой и большую часть времени вообще не помнила о существовании дочери, а когда вспоминала, ничего, кроме ругани и побоев, Джулия от нее не видела.

— Своей матерью я считала Грейс. Она была мне ближе, чем Шарон.

— Грейс была замечательной женщиной. — В глазах Дайаны читалась надежда, смешанная с легким беспокойством.

— Я ничуть не возражаю, если ты станешь моей мачехой. И когда вы определитесь с датой свадьбы, я обязательно приеду.

— Дорогая, ты не просто приедешь на свадьбу. Ты будешь одной из подружек невесты. — Дайана крепко обняла Джулию. — Я всегда хотела семью, — призналась она, вытирая слезы. — Хотела мужа, свой дом. Ну вот, дожидая до сорока, и мои мечты начинают исполняться. Я тревожилась. Думала: как-то ты к этому отнесешься. Я люблю твоего отца. Не думай, что мне нужны его деньги.

Джулия недоуменно посмотрела на нее. Они обе засмеялись.

— Дайана, ты шутишь. У моего отца никогда не было денег.

— Он прекрасный человек. У него есть работа. Я с ним счастлива. Когда женщина находит мужчину вроде твоего отца, она держится за него и не волнуется о деньгах.

Джулия не успела ответить. В кухню вошел Том. Увидев мокрые глаза Дайаны, он шагнул прямо к ней: — В чем дело? — Пальцы Тома осторожно смахнули слезы со щек Дайаны.

— Дайана рассказывала мне, как сильно тебя любит, — сообщила Джулия, одобрительно глядя на отца.

— Неужели? — хриплым, не своим голосом произнес Том.

— Хоть ты и не просил, но я благословляю ваш брак, — сказала Джулия.

Глаза Тома встретились с глазами дочери.

— Неужели? — уже мягче произнес Том, обнял их обеих и поцеловал каждую в макушку. — Девочки вы мои, — прошептал он.

** ** *

Вскоре Том и Дайана распростились и уехали. До этого Джулия думала, что Дайана несколько раз в неделю ночует в доме ее отца. Оказалось, что нет, и делается это из уважения к матери Дайаны, с которой она вместе живет.

Теперь понятно, почему Дайана так торопится выйти замуж и жить своим домом.

** ** *

После десерта Ричард Кларк ушел на заднее крыльцо, где расположился с сигарой и виски. Был прохладный, тихий вечер. Стоило закрыть глаза, и он видел, как из кухни выходит его жена Грейс и садится в глубокое кресло рядом с ним.

Тяжесть сдавила ему сердце. Никогда уже Грейс не сядет рядом.

— Как ты?

Ричард открыл глаза. Рядом с ним сидела его

невестка Джулия. Сидела, подобрав ноги под себя. От вечерней прохлады ее защищал один из старых кашемировых свитеров Габриеля.

Ричард переложил сигару в левую руку и передвинул пепельницу, чтобы дым не шел в сторону Джулии.

— Я в лучшем виде, — сказал он. — А ты как?

— Тоже.

— Обед был просто потрясающим, — признался Ричард. — Сплошные деликатесы.

— Я попыталась приготовить кое-что из блюд, которые мы ели в Италии. Рада, что они тебе понравились.

Джулия откинулась на спинку кресла, глядя в темное небо.

Ричард сделал очередной глоток виски. Чувствовалось, Джулию что-то тревожит, но вызывать ее на откровенный разговор он не хотел и потому молчал.

— Ричард.

Он усмехнулся:

— Помнится, мы договаривались, что ты будешь называть меня папой.

— Конечно, папа. Прости.

Ноготь Джулии оставил бороздку на мягком дереве подлокотника.

— Не надо извиняться, Джулия. Мы же одна семья. И если тебе что-то понадобится, я всегда рядом.

— Спасибо. — Она провела пальцем по свежей бороздке. — Тебя не раздражает, что внутри дома мы

кое-что поменяли?

Ричард ответил не сразу.

— Ванная давно нуждалась в ремонте. Очень хорошо, что вы сделали две дополнительные: на первом этаже и в хозяйской спальне. Грейс бы очень понравилась перемены на кухне. Она столько лет просила меня о гранитных столешницах на разделочных столах.

У Джулии сжалось сердце.

— Но очень многое мы оставили в прежнем виде.

— Перестань волноваться. Будь Грейс с нами, она бы тоже включилась в обновление дома.

— А тебе удобно в гостевой комнате? Вдруг у тебя пропало желание пожить здесь?

— Спасибо за заботу. Мне все равно, в какой комнате остановиться. Печально лишь то, что Грейс уже никогда не вернется. Боюсь, это чувство сохранится у меня навсегда. — Ричард посмотрел на свое простое обручальное кольцо. — Знаешь, здесь мне иногда кажется, что я слышу ее голос, а мои ноздри ловят аромат ее духов. В Филадельфии я такого не чувствую. Моя квартира не хранит памяти о ней. — Он улыбнулся сам себе. — Когда я здесь, разлука с нею ощущается не столь сильно.

— Это так больно?

— Да.

Джулия представила свое состояние, если бы она вдруг потеряла Габриеля. Это была бы не жизнь, а существование.

Продолжительность человеческой жизни —

величина неопределенная. Человек может заболеть раком, погибнуть в автокатастрофе. Миг — и семья распадается на куски.

Неизвестно откуда Джулия услышала тихий шепот: «Если у тебя будет ребенок от Габриеля, часть его навсегда останется с тобой».

Не столько смысл произнесенных слов, сколько сам голос заставил ее вздрогнуть.

Заметив это, Ричард встал и накрыл плечи невестки пледом. — Спасибо... Скажи, тебе нравится жить в Филадельфии? — Моя работа оказалась совсем не такой, какой я себе ее представлял, когда уходил с прежней, — сказал Ричард, стряхивая сигарный пепел. — Я переезжал туда, чтобы быть поближе к Рейчел и Скотту. Но видимся мы редко. У них своя жизнь, свои семьи. Все мои друзья, включая твоего отца, остались здесь.

— Возвращайся.

— Что ты сказала? — Ричард развернул кресло и сел лицом к Джулии.

— Возвращайся в Селингроув. Живи здесь.

— Теперь это ваш дом. Твой и моего сына.

— Мы бываем здесь лишь наездами. Нам вполне хватит прежней комнаты Габриеля. Мы туда переберемся, а ты перевози вещи из Филадельфии.

— Спасибо за любезное предложение, но я сделал выбор. Более года назад я продал этот дом Габриелю.

— Он будет только рад, если ты вернешься. Это по-настоящему твое место.

— Я никогда не беру своих слов назад, — покачал

головой Ричард.

Джулия лихорадочно придумывала убедительный довод:

— Для нас это было бы мицва². А мы нуждаемся в благословении.

— Так я обычно говорил Габриелю, когда он упрявился, — усмехнулся Ричард. — И какое же благословение вам требуется?

Джулия перестала улыбаться:

— У меня есть молитва, оставшаяся без ответа.

Ричард ждал пояснений, но их не было. Тогда он затаился сигарой и стал медленно выпускать колечки дыма.

— Я считаю, что на каждую молитву рано или поздно приходит ответ. Но я обязательно буду молиться, чтобы ты получила ответ. Не скрою: мне соблазнительна мысль о возвращении сюда. Однако вы с Габриелем потратили столько времени, делая этот дом своим. Вы поменяли мебель на первом этаже, покрасили стены...

— В свое время ты закладывал этот дом, чтобы расплатиться по долгам Габриеля за наркотики.

— Никак он рассказал тебе об этом? — удивился Ричард.

— Да.

— Это уже давняя история. Габриель потом вернул нам все деньги.

— Чем для него не повод позвать тебя назад в Селинсгроув?

— Отец пойдет на что угодно ради своего ребенка,

— сказал Ричард, и лицо его стало серьезным. — Меня тогда не заботили деньги. Я пытался спасти его жизнь.

— И ты спас. Вы с Грейс его спасли. — Джулия обвела глазами двор. — Пока этот дом принадлежит семье и мы можем собираться здесь на День благодарения и в Рождество, не имеет значения, кто владеет домом и кто в нем живет. — Со двора потянуло прохладным ветром, и Джулия поплотнее закуталась в плед. — Габриель никогда не расстанется с садом. Он специально нанял людей, и они посадили новые яблони.

— Старые уже давно не давали яблок. Боюсь, Габриель несколько оптимистичен.

Джулия посмотрела в сторону сада.

— Оптимизм Габриелю к лицу, — сказала она, вновь поворачиваясь к свекру. — Если бы ты жил здесь, ты бы следил за садом. Габриелю было бы радостно сознавать, что сад под надежным присмотром. Ты бы нам очень помог.

Молчание Ричарда было долгим, а когда он заговорил, его голос был непривычно хриплым.

— Спасибо.

Джулия стиснула его руку и ушла, оставив Ричарда наедине с сигарой и мыслями. Он снова закрыл глаза. Что-то изменилось. Он почувствовал надежду.

** ** *
* * *

Гости удалились на покой. Джулия сидела на бортике джакузи и проверяла температуру воды. Ей не терпелось погрузиться в воду и расслабиться.

Сейчас она должна была бы сидеть не в ванной, а за письменным столом и заниматься своей лекцией, но шумный, наполненный событиями день ее утомил. Джулия подумывала, не позвонить ли ее бостонскому психотерапевту. Доктор Уолтерс наверняка дала бы ей дельные советы, как справиться с волнением. Они бы обсудили недавнюю семейную ссору и желание Габриеля обзавестись потомством.

Конечно, в самом желании не было ничего ужасного. Нежность и энтузиазм, с которым Габриель говорил о нем, разительно отличались от холодного безразличия, с каким Эрик отнесся к беременности Тэмми. Джулия знала, чего хочет она сама. Она хотела твердо стоять на ногах и не допустить, чтобы страсть Габриеля опрокинула ее саму и ее мечты.

Если уж на то пошло, их недавняя ссора наглядно показала, сколь многому они еще должны научиться как семейная пара. Им сначала нужно пройти и усвоить эти уроки и только потом становиться родителями.

Ванна постепенно наполнялась водой. Неожиданно что-то заставило Джулию обернуться, и она увидела Габриеля, стоявшего возле столешницы с умывальником. Три верхние пуговицы его рубашки были расстегнуты, обнажая завитки волос на груди, которые выбивались из-под белой майки.

— Я никогда не устану смотреть на тебя. — С этими словами Габриель поцеловал ее в шею и развязал махровое полотенце, в которое завернулась Джулия. — Я хочу запечатлеть тебя на полотне, — продолжал Габриель, водя кончиками пальцев по ее спине.

— Ты уже запечатлел меня, синьор Караваджо. Правда, на полу. Потом мы его насилу отскребли.

— Да. И это было мучительно. Я надеялся, что мы возобновим наши занятия живописью.

— Тогда придется подождать, когда мы останемся одни, — сказала Джулия, игриво поглядывая на него. — Не хочешь ли ко мне присоединиться?

— Я предпочитаю созерцать.

— Тогда я постараюсь устроить тебе впечатляющее шоу.

Обеими руками Джулия убрала волосы с шеи, после чего изогнула спину, встав в позу журнальной красоты.

Габриель застонал и шагнул вперед. Джулия протянула руку, останавливая его: — Вчера я забыла в гостевой ванной бутылочку с пеной для ванны. Тебе не трудно сходить за ней?

— Конечно нет, богиня. — Габриель коснулся ее губ и ушел.

Поиск занял у него несколько минут, так как бутылочку сбросили на пол и она укатилась к мусорной корзине. Габриель нагнулся за бутылочкой и вдруг заметил прямоугольную коробочку, втиснутую между корзиной и стеной.

На этикетке значилось: «Тест на беременность».

Коробочка была пуста.

Габриель еще раз прочитал надпись на этикетке, после чего вернул коробочку на прежнее место, взял пену для ванны и понес Джулии.

Он молча подал жене бутылочку. По ванной распространился аромат сандалового дерева вперемешку с запахом мандарина. Джулия залезла в ванную и приняла позу, которую сочла весьма провокационной.

Габриель стоял неподвижно, погруженный в свои мысли.

— Что-нибудь случилось? — поинтересовалась Джулия, приподнимаясь из воды.

— Рейчел беременна? — вместо ответа спросил он, рассеянно трогая подбородок.

— Насколько знаю, нет. Она говорила, что они пытаются этого достичь. А почему ты спрашиваешь?

— Я нашел в гостевой ванной коробочку из-под теста на беременность. Похоже, ее пытались спрятать.

— Наверное, это коробочка Рейчел.

— Жаль, что не твоя. — Габриель наградил ее жарким взглядом, от которого у Джулии вспыхнуло все тело.

— Даже после того, что было вчера?

— Конечно. Пары ссорятся. Мужья ведут себя как последние идиоты. Потом у пар бывает горячий, прошибающий до пота секс со множеством импровизаций, и они продолжают свой путь.

Джулия разглядывала пенные узоры на воде.

— Я предпочла бы горячий, прошибающий до пота секс и множество импровизаций, но без ссоры.

— После ссор все воспринимается гораздо острее,
— прошептал Габриель. — Согласна?

Джулия подняла на мужа свои темные глаза:

— Я не готова для семьи с детьми.

— Наше время еще придет. — Габриель взял ее руку и поднес к губам пальцы в кружевах пены. — Поверь мне, я вовсе не хочу начинать новую ссору и добавлять тебе переживаний.

— Наверное, это тест Тэмми, — слабо улыбнулась Джулия.

— Но у нее уже есть ребенок.

— В сентябре Куинну исполнится два года. Я знаю, что они со Скоттом хотят общих детей.

Габриель притушил освещение в ванной и ненадолго исчез в спальне. Вскоре он вернулся. Из колонок, вмонтированных в потолок, звучал голос Аструд Жилберту.

Джулия смерила мужа взглядом:

— Кто бы из наших женщин ни делал этот тест, результат, скорее всего, оказался отрицательным. Ну а если нет, ты у нас снова будешь дядей. Дядя Габриель.

Габриель молча расстегнул и стащил с себя рубашку, а затем и футболку, обнажив мускулистую грудь и татуировку. Джулия смотрела, как он повесил рубашку на крючок, после чего взялся за молнию брюк. Он дразнил жену нарочитой медлительностью и при этом усмехался.

— Пока ты кончишь, вода остынет, — сказала Джулия.

— Сомневаюсь. Когда я кончу, я там стоять не буду.

— Почему?

— Потому что кончить я намерен внутри тебя.

Все с той же усмешкой Габриель снял брюки, оставшись в одних трусах.

Джулия прекрасно изучила тело своего мужа, но все равно при взгляде на его фигуру у нее перехватывало дыхание. Широкие плечи и узкая талия с крепкими, мускулистыми бедрами, прекрасно развитые руки, тщательно проработанные мышцы брюшного пресса, выпуклый V-образный лобок. Все, что находилось ниже, отличалось не только красотой пропорций, но и заметными размерами.

— Меня просто убивает, когда ты так смотришь на меня, — признался Габриель, глядя на жену голодными глазами.

— Почему?

Джулия подвинулась, освобождая ему место, и, не ощущая ни капли стыда, уставилась на него.

— Когда ты так смотришь, мне кажется, что ты хочешь облизать меня с ног до головы.

— Тебе не кажется.

Через мгновение Габриель плюхнулся в ванну, обвив своими длинными ногами ноги Джулии.

— Какой знакомый запах.

— Я специально купила такую пену для ванн. Ее запах напоминает запах массажного масла. Помнишь, как во Флоренции ты втирал мне его в спину?

— Насколько помню, я втирал тебе не только это масло. — Габриель ткнулся носом в ее ухо. — Я просто с ума схожу от этого запаха. Ты даже не

представляешь.

— Почему же? Представляю. — Джулия положила голову на грудь Габриеля, ягодицами ощущая его отвердевший член.

— Прежде чем мы займемся другими, так сказать, делами, я бы хотел с тобой поговорить, — вдруг сказал Габриель.

— О чем? — спросила Джулия, напрягаясь всем телом.

Он принялся нежно массировать ей шею.

— Расслабься. Я же тебе не враг. Я просто пытаюсь убедить тебя чуть больше мне доверять. Обычно ты принимаешь ароматную ванну, когда чем-нибудь расстроена или тебе не выдержать натиска забот. С недавних пор это стало твоей ежедневной процедурой.

— Ты прав. Забот у меня предостаточно.

— Так расскажи о них.

Джулия задумчиво водила рукой по пене на поверхности воды.

— Я думаю о своей докторантуре. О том, чтобы меня оттуда не выгнали. Меня беспокоит предстоящая лекция.

Габриель стиснул ей плечи:

— Мы с тобой уже говорили об этом, и я высказал свое искреннее мнение. Материал построен крепко. При твоём усердии в учебе никто тебя из докторантуры не выгонит. И вообще, лучше думать в рамках одного семестра и не заглядывать вперед. И с нашей родней ты не обязана возиться. Завтра мы скажем, что ты готовишься к лекции. Наши найдут

чем заняться, а вечером я сам приготовлю стейки. Думаю, Рейчел и Тэмми мне помогут.

Джулия немного расслабилась. Пальцы Габриеля это сразу почувствовали.

— Спасибо за помощь.

— Ты же знаешь: я сделаю для тебя что угодно, — напомнил Габриель, прижимаясь губами к шее жены.

— Знаю, — ответила Джулия и подкрепила ответ искренним поцелуем. Затем она улыбнулась и сказала: — В твой день рождения мы будем в Италии. Как бы ты хотел его отпраздновать?

— С тобой. В постели. И чтобы пару дней нам никто не мешал. — Габриель обнял ее за талию и стал водить пальцем вокруг пупка.

— А ты хотел бы пригласить кого-нибудь к нам в Умбрию? Потом мы все вместе отправились бы на флорентийскую выставку.

— Нет. Мне достаточно тебя одной. Гостей можем пригласить в Кембридж, на твой день рождения.

Джулия задержала его руку:

— Я не хочу превращать свой день рождения в шумное торжество.

— А я думал, ты преодолела свою застенчивость.

— В сентябре мы будем заняты.

— Двадцать пять не просто очередной день рождения. Это веха.

— Тридцать пять тоже веха.

— Мои вехи важны только благодаря тебе. Без тебя это обычные пустые дни.

Джулия спрятала лицо у него на груди:

— Неужели ты не устаешь быть таким внимательным? Это все равно что постоянно есть сладкое.

— Не успел устать, поскольку в жизни мне куда чаще доставалось кислое. — Губы Габриеля скользили по ее шее и мокрым, ароматно пахнущим плечам.

— Тогда давай устроим праздник в сентябре. День труда, удлинённый уик-энд. — Джулия снова поцеловала его в грудь. — Кстати, что тебе сказал Ричард?

— Он не прочь вернуться, но не хочет покупать дом. Это понятно. Он рассчитывал жить на свои сбережения. Покупка дома — слишком большая трата.

— Ричард может просто жить здесь, не покупая дом. Тебя ведь это не волнует?

— Ничуть. Я был бы только рад, если бы он сюда вернулся. Но Ричарда грызет совесть. Мы обновили дом, а он этим будет пользоваться.

— Ну и пусть пользуется на здоровье. Вот только что делать с мебелью? В Кембридже для нее просто нет места.

— Можно отдать мебель Тому. Та, что у него сейчас... Сама понимаешь, это уже не мебель. — В голосе Габриеля звучали прежние профессорские интонации.

— И ты готов отдать ему мебель?

— Джулианна, я не собираюсь тебе врать. Я не испытываю горячей симпатии к твоему отцу. Но раз ты... — Он не договорил и поцеловал ее.

— У Ричарда есть вещи, которые они покупали

вместе с Грейс. Ему трудно с ними расстаться. Он хотел бы вернуть часть старой мебели, которую мы отправили на склад. Но прежде нужно вывезти отсюда новую мебель. Если ты не против, мы могли бы предложить ее Рейчел.

— А давай предложим эту мебель моему отцу. Они с Дайаной собираются пожениться.

— И как ты относишься к их решению? — спросил Габриель, обнимая жену за талию.

— Мне нравится эта женщина. Она любит моего отца. Очень хорошо, что ему будет с кем стариться.

— Прости за резкие слова, дорогая, но твой отец уже старится. Да и мы все.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

Габриель повернул Джулию лицом к себе и обвил ее ноги вокруг своей талии.

— Тебе повезло. Я пока не настолько стар, и меня хватит на всю ночь. По-моему, эту ванну мы еще не успели осчастливить.

⁷ В переводе с иврита «благодаяние», «благое дело».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Где-то после полуночи Ричард почувствовал, как матрас кровати прогнулся, словно кто-то нырнул под одеяло. Перевернувшись, он нежно обнял тело своей жены. Оно было знакомым и мягким. Ричард прижался к ней и громко вздохнул.

Она тоже вздохнула, совсем как раньше, и свернулась калачиком, упершись в тело мужа.

— Я скучал по тебе.

Ричард гладил и целовал ее волосы. Его не удивляло, что волосы у нее длинные и прямые. Такими они были до химиотерапии.

— И я скучала по тебе, дорогой.

Грейс потянулась к его руке. Их пальцы сплелись. Кольцо, которое он подарил ей в день помолвки, и обручальное кольцо соприкоснулись с его обручальным кольцом. Ричард был рад, что не снимал его.

— Я мечтаю о тебе.

— Знаю, — ответила Грейс, поцеловав то место, где встретились их кольца.

— Ты была такой молодой. Впереди у нас была целая жизнь. А как много нам хотелось сделать. — На последнем слове его голос дрогнул.

— Да.

— Я скучаю по тем временам, — прошептал

Ричард. — Мне хочется обнимать тебя в темноте. Слышать твой голос. Не могу поверить, что я потерял тебя.

Грейс высвободила его левую руку и прижала к своей груди.

Ричард собрал всю силу воли, зная, какое ощущение его ждет. Две впадины на месте бывших выпуклостей. Помнится, он горевал о появившихся шрамах, но никогда не отваживался взглянуть на места ампутации и дотронуться до них. Впрочем, Грейс и не позволила бы.

Она собиралась сделать маммопластику, однако вернувшийся рак заставил забыть обо всем. Но Грейс всегда оставалась для мужа красивой и очаровательной. Даже в самом конце ее жизни.

Ладонь ощутила знакомую мягкую округлость. Ричард замер. Грейс положила поверх его ладони свою и прижала.

— Я вылечилась, — прошептала она. — Ты даже не представляешь, как это было удивительно. И совсем не больно.

У Ричарда защипало в глазах.

— Вылечилась?

— Никакой боли. Никаких слез. И красиво, непередаваемо красиво.

— Прости, я и не знал, что ты болела. — У него снова дрогнул голос. — Какой же я невнимательный. Я должен был бы это заметить.

— Мне пора. — Грейс поцеловала тыльную сторону его ладони. — Мне хочется столько всего тебе

показать. Но не сейчас. Отдыхай, любовь моя.

** ** *
* * *

Утром Ричард проснулся один, но с ощущением того, что ему сделали драгоценнейший подарок. На душе стало легче. Впервые за долгое время он почувствовал покой в душе. После семейного завтрака Ричард начал вплотную обдумывать увольнение со своей нынешней работы в Филадельфии.

Еще через неделю он дал объявление о продаже своего филадельфийского кондоминиума и нанял перевозчиков. Его мебель и другое имущество возвращались в дом, который они с Грейс купили в начале своей совместной жизни. Габриель настоял на том, чтобы сюда вернулись и вещи, хранившиеся на складе.

Когда грузовики с мебелью и вещами подъехали к старому дому, Габриель попросил грузчиков вначале вынести все, что находилось в хозяйской спальне.

— Не надо, — опустив руку на плечо сына, возразил Ричард. — Теперь я буду жить в гостевой комнате.

Габриель остановил грузчиков, сказав, что ему нужно кое-что обсудить с отцом.

— Почему ты не хочешь вернуться в вашу спальню? — спросил он, удивленно сдвинув брови.

— Потому что теперь это ваша спальня. Твоя и

Джулии. Она покрасила стены и сделала эту комнату вашей. Я не хочу ничего менять.

Габриель пытался возражать, но Ричард поднял руку, прося сына умолкнуть.

— Грейс будет со мной в любой из здешних комнат. Она найдет меня и в гостевой комнате. — Он похлопал Габриеля по плечу, затем позвал грузчиков, объяснив, куда нести мебель.

Габриель не был настроен спорить с отцом, особенно сейчас, когда такое решение устраивало их обоих. Если кое-какие отцовские замечания и показались ему странными, он промолчал.

Честно говоря, Габриель не нашел в них ничего странного.

Ночью, когда Ричард остался один, он почти видел, как Грейс ложится в постель вместе с ним. Он повернулся на свою сторону и спокойно заснул, приготовившись встретиться с женою во сне.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Июль 2011 года. Оксфорд, Англия

Профессор Габриель О. Эмерсон с явным пренебрежением оглядывал скромную гостевую комнату общежития колледжа Святой Магдалины, которое больше напоминало монастырь. Возле стены стояли две кровати. Профессорские глаза сердито вспыхнули.

— Как это называется, черт побери?!

Джулия взглянула туда, куда указывал перст разгневанного профессора.

— По-моему, это кровати, — сказала она.

— То-то и оно. Мы здесь на ночь не останемся.

Габриель подхватил багаж и направился к двери, но Джулия его остановила: — Габриель, уже поздно. Я устала.

— Вот именно. И где, интересно знать, мы уляжемся спать?

— А где спят студенты колледжа? Может, на полу?

Габриель бросил на жену испепеляющий взгляд:

— Я уже пообещал себе впредь не спать на убогом изделии, именуемом односпальной кроватью. Мы заказывали номер в «Рэндолфе», вот и пойдем туда.

— До даты нашего заказа еще два дня, — напомнила мужу Джулия, потирая кулаками глаза. — И потом, ты же обещал.

— Найджел тоже мне обещал, что поселит нас в свободных преподавательских апартаментах с двуспальной кроватью и ванной. И где тут двуспальная кровать? Где ванная? Нам придется топтать в конец коридора и мыться черт знает с кем!

— И всего-то на две ночи. Меня вполне устроит общая ванная. К тому же мы почти все время будем заняты на конференции.

Габриель продолжал что-то сердито бормотать, но Джулия словно этого не замечала. Она подошла к окну, выходящему в красивый четырехугольный двор. Ее внимание притягивали странные каменные фигуры над аркой справа.

— Помнишь, ты рассказывал мне об этих фигурах? Они вдохновляли Клайва Льюиса, когда он писал свой роман «Лев, колдунья и платяной шкаф».

— Во всяком случае, так говорят, — нехотя отозвался Габриель.

Джулия прижалась лбом к окну:

— Как ты думаешь, призрак Льюиса до сих пор бродит в этих местах?

— Если и бродит, то в такую коморку он явно не заглянет, — фыркнул Габриель. — Скорее всего, он предпочтет свой любимый паб.

Джулия закрыла глаза. День выдался длинный и утомительный. Из лондонского отеля они поехали на вокзал. Затем поезд до Оксфорда и путь сюда. Она чувствовала себя невероятно уставшей.

Габриель любовался ее силуэтом.

— Джулианна, никаких призраков не существует, и

ты это знаешь. — Из его голоса исчезли нотки раздражения и недовольства.

— А когда ты видел Грейс и Майю, кем были они?

— Это совсем другой случай.

Джулия с тоской посмотрела на каменные фигуры и пошла к двери. Битву за комнату-келью она проиграла.

— Неужели тебе так не хочется останавливаться в оксфордском отеле? — спросил Габриель, внимательно глядя на жену. — Там больше возможностей уединиться.

— Да, больше, — согласилась она.

Габриель покосился на узкие кровати:

— На такой кровати почти невозможно заняться сексом. Здесь и одному-то тесно.

— А я помню кое-что другое, — усмехнулась Джулия.

— Миссис Эмерсон, это вызов?

Джулия посмотрела на него. Потом, ощутив вдруг прилив сил, она схватилась за шелковый галстук мужа и притянула его к себе.

Забыв про недавнее раздражение, Габриель бросил чемоданы и ответил на ее поцелуй. Потом лягнул дверь, которая со стуком закрылась.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Как оказалось, секс на узкой кровати все-таки возможен. Доказательством тому были сплетенные тела Габриеля и Джулии. Она шептала его имя, упираясь лицом ему в грудь.

— А ты не утратил своих способностей. Мне очень понравились твои последние импровизации.

— Благодарю, — ответил Габриель и шумно втянул воздух. — Уже поздно. Пора спать.

— Не могу.

Габриель приподнял ей подбородок:

— Продолжаешь беспокоиться из-за своей лекции?

— Мне хочется, чтобы ты мною гордился.

— Я всегда буду тобой гордиться. Уже горжусь, — признался Габриель, устремляя на нее взгляд своих синих глаз.

— А профессор Пиктон?

— Если бы она сочла тебя неготовой, то ни за что не пригласила бы сюда.

— Вдруг кто-нибудь задаст вопрос, а я не смогу ответить?

— Ты обязательно найдешь ответ. Если начнут давить, всегда можно скрыться за спасительными словами о хорошем вопросе, давшем тебе пищу для размышлений.

Джулия снова уперлась подбородком ему в грудь, а

ее пальцы водили по рельефному животу.

— Как думаешь, если попросить Клайва Льюиса о содействии, он помолится за меня?

— Льюис был североирландским протестантом, — фыркнул Габриель. — Он не верил в просьбы к святым. Думаю, он бы и твои просьбы оставил без ответа. Из принципа... Попроси Толкина, — предложил Габриель. — Он был католиком.

— Я могла бы попросить Данте помолиться за меня.

— Данте уже молится за тебя, — сказал Габриель, зарывшись в ее волосы.

Джулия закрыла глаза, вслушиваясь в удары его сердца. Их ритм всегда действовал на нее успокаивающе.

— А если тебя спросят, почему ты уехал из Торонто?

— У нас с тобой уже есть готовый ответ. Я решил перебраться в Бостон, поскольку тебе предложили докторантуру в Гарварде и мы с тобой решили пожениться.

— Криста Петерсон рассказывала другую историю.

Профессорские глаза сердито сощурились.

— Забудь о ней. На этой конференции мы можем ее не опасаться.

— Обещай, что не потеряешь самообладания, если вдруг услышишь какие-нибудь гадости, — попросила Джулия.

— Имей хотя бы малую толику доверия ко мне, — устало произнес Габриель. — Мы уже сталкивались со сплетнями и в Бостонском университете, и в Гарварде.

Если помнишь, я ни разу не сорвался.

— Помню. — Джулия поцеловала его в грудь. — Но здесь соберется скусающая академическая публика, любящая поболтать. Ничто так не возбуждает этих людей, как скандал на сексуальной почве.

— Позвольте с вами не согласиться, миссис Эмерсон, — сказал он и подмигнул.

— Неужели есть что-то более возбуждающее?

— Секс с тобой возбуждает сильнее любого скандала.

Габриель перевернул Джулию на спину и принялся целовать ей шею.

** ** *

Солнце еще не успело взойти, когда Джулия на цыпочках вернулась в гостевую комнату. Свет, льющийся из окна, частично освещал обнаженную мужскую фигуру на кровати. Габриель лежал на животе, спутанные темные волосы разметались по подушке. Отброшенное одеяло позволяло любоваться его спиной и ягодицами.

Джулия с восторгом задержала взгляд на мускулистой спине и ягодичных мышцах мужа. Этот мужчина был красивым и сексуальным. Этот мужчина принадлежал ей.

Джулия сняла штаны для йоги, футболку и все остальное, аккуратно повесив все на спинку стула. С

тех пор как они поженились, она всегда спала обнаженной. Ей очень нравилось телом чувствовать тело своего любимого.

Лечь тихо не получилось. Габриель шевельнулся и сразу же заключил ее в объятия. Через несколько секунд он проснулся.

— Где ты была? — спросил он, водя пальцами по ее руке.

— Ходила во двор взглянуть на каменные фигуры.

— Зачем? — удивился Габриель, окончательно открыв глаза.

— Я читала «Хроники Нарнии». Эти фигуры... значимы для меня.

Он взял ее лицо в свои ладони:

— Так это из-за Льюиса ты захотела здесь остаться?

— И из-за тебя тоже. Вы же с Полиной когда-то жили здесь. И я...

Джулия тут же пожалела, что упомянула имя женщины, о которой они оба пытались забыть.

— Это было до того, как мы с ней стали близки. Здесь мы почти не встречались. — Габриель обнял жену. — Если бы я знал причину, то вчера не стал бы звать тебя в «Рэндолф». Почему ты мне не сказала?

— Я подумала, что мой интерес к «Хроникам Нарнии» покажется тебе подростковой чепухой.

— Все, что для тебя важно, никак не может быть подростковой чепухой. — Габриель задумался над ее словами. — Я ведь тоже читал эти книги. В нью-йоркской квартире матери была кладовка. Я верил: если стану хорошим мальчиком, то оттуда мне

откроется вход в Нарнию. Увы, хорошим мальчиком я не стал.

Габриель хотел рассмешить Джулию, но она не засмеялась.

— Мне это знакомо. Чего только не сделаешь, чтобы придуманная история осуществилась наяву, — прошептала она.

Габриель крепче обнял ее:

— Если хочешь увидеть, где жил Льюис, я свожу тебя туда. Его дом называется «Килнс». Потом навестим паб «Птичка с младенцем», где собирались «Инклинги».

— Буду только рада.

Габриель поцеловал ее волосы:

— Однажды я сказал, что мы с тобой не равны. Ты лучше меня. Боюсь, тогда ты не поверила мне.

— Иногда трудно верить, что ты способен так думать.

Габриель поморщился.

— Тогда я постараюсь наглядно тебе это показать, — прошептал он. — Правда, пока не знаю как.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

После завтрака в столовой колледжа Святой Магдалины Габриель настоял, что в колледж Святой Анны — место проведения конференции — они поедут на такси. Он опасался, что Джулия в туфлях на высоком каблуке не выдержит пешего пути. О том, чтобы попросить Джулию надеть другие туфли, не могло быть и речи.

— Осуществляется моя мечта, — шептала Джулия, когда они ехали по Оксфорду. — Я и представить не могла, что однажды попаду сюда, не говоря уже о выступлении с лекцией. До сих пор не верится.

— Ты много и старательно трудилась, — сказал Габриель, поднося к губам ее руку. — Это тебе в награду.

Джулия не ответила. На ее плечи давил тяжелый груз ожиданий.

Когда ехали мимо Музея Ашмола, глаза Габриеля вспыхнули.

— А здесь мы могли бы отлично напраказничать, — сказал он, указывая на музейное здание. — Насколько помню, у них предостаточно укромных уголков для наших занятий.

Джулия покраснела. Довольный Габриель засмеялся и притянул ее к себе.

Он до сих пор мог вогнать ее в краску, чем немало

гордился. Несколько дней назад не только Джулия краснела после того, что они устроили в Британском музее возле стены.

В колледж Святой Анны Эмерсоны прибыли незадолго до начала первой лекции. В холле, между столами с угощением, бродили полсотни специалистов по творчеству Данте. Они пили чай, лакомились печеньем и вели нескончаемые разговоры о несравненном мире исследований творчества великого флорентийца.

(В общем-то, они правы: этот мир значительно интереснее, чем кажется сторонним наблюдателям.)

Габриель налил Джулии чая, а себе — кофе. Увидев рядом двух именитых оксфордских профессоров, с которыми был знаком сам, он представил им свою жену.

Ученая публика потянулась в аудиторию. Желая подбодрить Джулию, Габриель положил ей руку на спину. Но не пройдя и двух шагов, Джулия остановилась как вкопанная.

До ее ушей донесся знакомый беззаботный смех. Источник смеха находился в нескольких футах от нее, окруженный мужчинами разных возрастов, облаченных в строгие твидовые костюмы. Центром их внимания была красотка с роскошными волосами цвета воронова крыла. Высокая, гибкая, с соблазнительной фигурой, подчеркнутой облегающим черным жакетом и короткой юбкой. Туфли на четырехдюймовых каблуках делали ее длинные ноги еще длиннее.

Впервые в жизни профессору Эмерсону было противно смотреть на элегантные дизайнерские туфли.

Смех красоты оборвался, когда черноволосый, очень загорелый мужчина стал что-то шептать ей на ухо. Его глаза приклеились к Эмерсонам.

— Дерьмо пожаловало, — едва прошептал Габриель.

Он сердито посмотрел на Кристу Петерсон и профессора Паччиани. Джулия следила за реакцией других мужчин. Ее взгляд перемещался по их лицам, а на душе становилось все муторнее и тревожнее.

Мужчины тоже обратили на нее внимание. Их глаза дольше, чем допускали приличия, задерживались на ее груди и бедрах. Выпустив руку Габриеля, Джулия застегнула все пуговицы на своем жакете, почти целиком прикрыв грудь от их разглядывания.

Зеваки не скрывали своего разочарования. Они ожидали увидеть молоденькую симпатичную аспирантку, которая соблазнила профессора и стала центром скандальной истории. Их ожидания явно не оправдались.

— Сейчас я успокою их раз и навсегда. — Габриель рванул было вперед, но Джулия схватила его за руку, вцепившись в ткань костюма и кожу руки.

— Мы можем немного поговорить?

— После.

— Не начинай, — прошипела Джулия. — Только не здесь.

— Раздор в раю? — послышался громкий

насмешливый голос Кристи. — Надо полагать, медовый месяц оказался весьма недолгим. — Ее кошачьи глаза остановились на Джулии. Чувственный рот изогнулся в усмешке. — Меня это ничуть не удивляет.

Джулия пыталась оттащить Габриеля, но он словно прирос к полу. Его тело дрожало от гнева.

— Мисс Петерсон, позвольте вас на пару слов.

Криста отступила к профессору Паччиани, всем своим видом показывая, что боится Габриеля.

— После того, что было в Торонто, — ни в коем случае. Если хотите что-то сказать, извольте говорить в присутствии свидетелей. — Чувствуя себя под защитой Паччиани, Криста подалась вперед и, понизив голос, добавила: — Учтите, Габриель, устраивать скандал не в ваших интересах. После того как вы ушли из Торонтского университета, я обнаружила довольно интересные факты, касающиеся вас. Оказывается, вам были не чужды утехы в стиле садомазо. Вот уж не подумала бы, что профессор Энн Сингер была вашей Доминой.

Те, кто находился рядом, замолчали и впились глазами в Кристу и Габриеля.

Джулия взяла его за руку и попыталась увести:

— Идем. Пожалуйста.

И хотя Габриель кипел от ярости, он ясно воспринимал происходящее, даже слишком ясно, видел жадное внимание ученой братии. Только предельное самообладание позволило ему удержаться от желания броситься к Кристе и схватить ее за горло.

Пробормотав ругательство, он резко повернулся, готовый уйти подальше от своей бывшей аспирантки.

— Джулианна, мне просто не дождаться твоей лекции, — громко, чтобы слышали окружающие, заявила Криста. — Странно, чтобы первогодку приглашали на столь серьезную конференцию. Кто же тебя удостоил, если не секрет?

Джулия остановилась.

— Меня пригласила профессор Пиктон, — обернувшись через плечо, сказала она.

— Неужели? — Ответ явно удивил Кристу. — Не проще было бы поручить эту лекцию Габриелю? Ведь ты будешь лишь повторять услышанное от него. А может, он просто написал тебе текст?

— Я веду самостоятельные исследования, — спокойно, но с металлом в голосе произнесла Джулия.

— В этом я не сомневаюсь. — Криста выразительно посмотрела на спину Габриеля. — Но твои, с позволения сказать, «исследования» не потянули бы на лекцию в ученом сообществе. Если, конечно, они не касаются рассказа о профессорах, с которыми ты переспала, чтобы пробраться в Гарвард.

Габриель выругался и выпустил руку Джулии. Резко обернувшись, он метнул гневный взгляд на Кристу:

— Довольно. Больше не смейте разговаривать с моей женой. Вам понятно?

— Спокойнее, Габриель, спокойнее.

Темные глаза Кристи буквально светились от извращенного удовольствия.

— Для вас — профессор Эмерсон, — огрызнулся

Габриель.

Джулия собой загородила ему дорогу.

— Идем, — попросила она, коснувшись его груди.

— Уйди с дороги. — Сейчас Габриель был похож на дракона, готового исторгнуть пламя.

— Сделай это ради меня, — умоляющим тоном произнесла Джулия.

Габриель не успел и рта раскрыть.

— Что здесь происходит? — послышался рядом знакомый властный голос.

Справа от него стояла Кэтрин Пиктон. Ее седые волосы были коротко подстрижены и элегантно уложены. За стеклами очков сердито поблескивали серо-голубые глаза. Взглянув с явным неудовольствием на профессора Паччиани, она сосредоточила внимание на Кристе:

— Кто вы такая?

Криста, явно напуганная реакцией Габриеля, мигом придала своему лицу льстиво-любезное выражение.

— Я Криста Петерсон из Колумбийского университета, — сказала она, протягивая руку. — Мы с вами встречались в Торонтском университете.

Рука повисла в воздухе.

— Я знаю преподавательский состав Колумбийского университета. Вы в его число не входите.

— Я аспирантка. — Криста покраснела и опустила руку.

— Тогда и представляйтесь как положено. Вы не из Колумбийского университета. Вы учитесь в

Колумбийском университете. А кстати, почему вы здесь? — Криста молчала. Тогда профессор Пиктон подошла ближе и нарочито громко спросила: — Вы что, плохо слышите? Я задала вопрос: что вы делаете на моей конференции? И кто позволил вам оскорблять моих гостей?

Криста едва не упала, окутанная энергией негодования, исходящей от щуплой седовласой старухи. Энергия эта была настолько мощной, что даже профессор Паччиани попятился назад.

— Я приехала, чтобы послушать вашу лекцию... как и все остальные, — промямлила Криста.

— В списке гостей вы не значитесь. Вас я точно не приглашала.

— Профессор Пиктон, эта юная леди — моя приятельница, — вступился за Кристу профессор Паччиани.

Он поклонился и подошел с намерением поцеловать у Кэтрин руку. Но на профессора Пиктон его чары не действовали.

— Я еще согласна терпеть эту особу в качестве вашей спутницы, Джузеппе. Но с большим трудом. — Профессор Пиктон сердито посмотрела на итальянца. — И непременно поучите ее хорошим манерам. — Она снова повернулась к Кристе. — Я помню, сколько зла принесли вы Торонтскому университету. Ваша ложь едва не разрушила мой факультет. Здесь вам придется соблюдать правила приличия, или я велю вам немедленно покинуть конференцию. Вы меня поняли?

Не дожидаясь ее ответа, Кэтрин перешла на итальянский и принялась отчитывать Паччиани. Профессору было напрямую заявлено, что, если его приятельница хоть чем-то омрачит пребывание участников и гостей конференции, отвечать за это придется лично ему.

Профессор Пиктон добавила, что память у нее отличная и прощать зло она не склонна.

Необходимо отметить, что в обоих случаях профессор Пиктон говорила сущую правду.

— Carisce?⁸ — спросила она, глядя на итальянца из-под очков.

— Certo⁹, — ответил профессор.

— Пострадавшая сторона — это я, — попыталась возразить Криста. — Когда я была в Торонто, Габриель...

— Прекратите нести ахинею! — оборвала ее Кэтрин. — Я стара, но старческим слабоумием не страдаю. И я умею отличать достойных женщин от женщин, заслуживающих презрения. Это и другим уметь не вредно. — Кэтрин сердито посмотрела на обожателей Кристи, еще недавно жадно ловивших ее сплетни. — Более того, напрашиваться туда, где собираются лишь приглашенные, — это в высшей степени непрофессионально. Здесь вам не факультетская вечеринка.

Профессор Пиктон оглядела помещение. Казалось, она была готова сразиться с каждым, кто осмелится ей возражать. Но под ее испепеляющим взглядом даже самые отчаянные любители сплетен переминались с

ноги на ногу, торопясь ретироваться.

Довольная произведенным эффектом, профессор Пиктон еще раз обратилась к мисс Петерсон:

— Надеюсь, я высказалась достаточно понятно.

С этими словами, она повернулась к Кристе спиной. В холле стало тихо. Многих просто шокировало увиденное. Это был академический эквивалент борцовских состязаний в грязи, умело выигранных хрупкой, но напористой и злой на язык семидесятилетней старухой.

— Дорогие друзья, я так рада вас видеть. Как долетели? — Кэтрин обняла одеревеневшие плечи Джулии, затем протянула руку Габриелю.

— Полет был очень приятным. Мы прилетели раньше и несколько дней провели в Лондоне. Вчера поездом приехали в Оксфорд. — Габриель поцеловал профессора Пиктон в щеку и попытался улыбнуться. Улыбки не получилось.

— Мне очень не нравится, что устроители конференции допускают сюда всякий сброд, — прежним сердитым тоном продолжала Кэтрин. — Я обязательно должна с ними поговорить. Не хватает, чтобы мои молодые гости неловко себя чувствовали из-за каких-то склочниц. А уж выдерживать ее выверты в присутствии других... И бывают же такие никчемные девицы. — Старческие глаза профессора Пиктон мгновенно уловили состояние Джулии. Лицо Кэтрин смягчилось. — Джулианна, приглашаю вас вечером посидеть со мной. Выпьем чего-нибудь. Нам с вами пора немного поболтать.

Слова ученой дамы выбили Джулию из оцепенения, но вместо радости на ее лице мелькнул ужас. Заметив это, Габриель обнял жену за талию:

— Вы очень великодушны, Кэтрин, но почему бы вам не посидеть с нами за обедом?

— Спасибо. Воспользуюсь вашим приглашением. Но сначала поговорю с Джулианной. С глазу на глаз. — Она повернулась к своей бывшей аспирантке. Лицо профессора Пиктон стало совсем добрым. — Когда закончится последняя лекция, обязательно разыщите меня. Мы с вами отправимся в «Птичку с младенцем». — Сказав это, профессор Пиктон удалилась. Через несколько шагов ее уже окружили поклонники из научного мира.

Придя немного в себя, Джулия наклонилась к Габриелю и прошептала:

— Боже мой, какой ужас.

— Жаль, что Кэтрин вмешалась. Я бы сбил спесь с этой твари.

— Напрасно я вообще ответила Кристе, — заламывая руки, призналась Джулия. — Нужно было пройти мимо.

Лицо Габриеля помрачнело. Оглянувшись по сторонам, он нагнулся к уху Джулии и прошептал:

— Ты вступилась за себя, и это правильно. И я не собирался стоять в стороне и слушать, как она чуть ли не в открытую называет тебя шлюхой.

— Если бы мы прошли не останавливаясь, она бы не позволила себе распоясаться.

— Чушь! Она уже поливала нас грязью в других

местах. Ты сама говорила.

— Но ведь я просила тебя остановиться, — огорченно вздохнула Джулия.

— А я тебе объяснил, что не позволю ей говорить с тобой подобным образом. — Габриель стиснул зубы. — Давай не будем ссориться из-за этой суки. Не доставим ей удовольствия, которого она так добивалась.

— Она напрашивалась на стычку и добилась желаемого. — Джулия обвела глазами быстро пустеющий холл. — Завтра я буду выступать перед этими людьми и вспоминать, что они были свидетелями отвратительной сцены.

— Пойми: если бы я промолчал, если бы мы ушли, как ты предлагала, тогда получилось бы, что я согласился с ее мнением. — Голос Габриеля напомнил раскаты грома, загнанные вглубь.

— Я просила тебя прекратить, а ты от меня отмахнулся. — По лицу Джулии чувствовалось, как больно это ее задело. — Я ведь твоя жена, а не «лежачий полицейский».

Подхватив свою старенькую сумку фирмы «Фенди», Джулия пошла в лекционный зал.

⁸ Понятно? (*ит.*)

⁹ Конечно (*ит.*).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Профессор Эмерсон смотрел вслед удаляющейся жене. Все в нем клокотало от злости. Ему хотелось схватить Кристу Петерсон за волосы и как следует проучить. Впрочем, в бытность Кристы его аспиранткой она постоянно пыталась его соблазнить, и такая выходка ей бы очень понравилась.

Она бы снимки сделала для своего альбомчика.

И потом, ему не свойственно поднимать руку на женщину.

А может, свойственно. Возможно, ему очень хотелось ударить женщину. Гнев и насилие таились в нем, записанные в молекулах ДНК. Наверное, он копия своего биологического отца.

Габриель закрыл глаза, торопливо отгоняя роящиеся мысли. Сейчас не время раздумывать о том, что ему известно и чего он не знает о своих биологических родителях.

Габриель отличался взрывным характером, который он пытался контролировать, однако часто терпел неудачи. В один из таких моментов он, к своему стыду, ударил женщину.

Это было в Торонто, когда он преподавал в местном университете. Его окружали красивые и сексапильные женщины. Город радовал обилием концертов и выставок. И тем не менее Габриель страдал от

депрессий. К нему стала приезжать Полина, и они возобновили свои отношения. Опять. После каждой встречи он клялся себе, что это было в последний раз. Но потом, стоило Полине коснуться его тела, он в очередной раз ей уступал.

Габриель знал, что так нельзя, что эта связь разрушает их обоих. Увы, его дух, желавший освобождения, был привязан к физически сильной, но морально очень слабой плоти.

После ее возвращения в Бостон он начал сильно пить и вскоре стал ВИП-клиентом в местном клубе «Лобби». Каждый вечер он трахался с новой женщиной. Иногда — с одной за вечер, и тогда он особенно сильно напивался. Бывало, что и с несколькими одновременно.

Но ни выпивка, ни женщины не помогали. Прошное преследовало его, а приезды Полины лишь все усугубляли. Габриель чувствовал: один неверный шаг — и в нем проснется кокаиновая зависимость.

Потом он познакомился с Энн. Их сблизило увлечение фехтованием. Несколько раз они встречались в спортивном клубе. Последний поединок закончился тем, что они нашли укромный уголок и предалися недолгому, но бурному сексу.

Энн Сингер обещала новые, мучительно-сладостные удовольствия. Ее страстный шепот манил, звал в дебри неизведанных наслаждений, каких Габриелю еще не доводилось испытать.

Эта женщина его заинтриговала. У нее хватило силы запихнуть разум Габриеля в его тело и держать

там, лишив способности думать и беспокоиться. В таком состоянии Габриель и пребывал в подвале ее торонтского таунхауса: обнаженный, поставленный на колени и связанный по рукам и ногам.

Сочетая наслаждения с наказаниями, Энн ошеломила его чувства. Габриелю казалось, что каждый удар выбивает из него всю душевную боль. В мозгу тлела лишь одна мысль. Он удивлялся, почему ждал так долго и не прибегнул к физической боли, чтобы загасить ею страдания души. Но вскоре и эта мысль покинула его.

Затем началась полоса унижений. Энн взяла верх над его телом и разумом. Нанося удары по плоти, она стремилась сломить его волю.

Габриель разгадал направленность ее действий. Его душа взбунтовалась. Да, он желал и с готовностью принимал физическую боль, но противился психологическим манипуляциям. Прошрое и так оставило на нем достаточно душевных ран.

Он начал сопротивляться.

Энн обвинила его в попытке занять доминирующее положение и удвоила свои усилия. Она пересказывала ему историю его жизни... даже не историю, а некий миф, строящийся исключительно на ее предположениях и «кабинетном анализе». Между тем некоторые фрагменты этого мифа находились в опасной близости к правде. Что же касалось всего остального...

В Габриеле что-то вдруг надломилось.

Сейчас, в колледже Святой Анны, стоя перед

входом в аудиторию, Габриель не мог припомнить, какие слова профессора Сингер выбили его тогда из колеи. Он не помнил, долго ли продолжалось их столкновение. В памяти осталась лишь раскаленная, ослепляющая ярость.

Одним быстрым движением он порвал веревки, связывавшие правую руку, — такое не каждому под силу — и ударил Энн по лицу. Миниатюрная фигура его истязательницы рухнула на плитки пола.

Габриель поднялся на ноги и, тяжело дыша, навис над ней. Она не шевелилась.

Дверь в подвал резко распахнулась, и туда ворвался охранник Энн, с которым Габриелю пришлось боксировать одной рукой. Ему тогда досталось. Избитого, окровавленного, Габриеля выкинули на снег и следом швырнули его одежду.

Это был его последний сексуальный контакт с Энн и завершающий опыт по части садомазо. Габриеля шокировало то, что он утратил контроль и ударил ее. С тех пор он дал себе слово никогда не поднимать руку на женщину. Ему и сейчас было стыдно за тот случай.

Закрыв глаза, он попытался успокоиться. Он никогда не рассказывал Джулианне все подробности его стычки с профессором Сингер. И не расскажет. Есть моменты, о которых лучше всего молчать.

Он составил мысленный список известных дантоведов, присутствовавших при устроенном Кристиной представлении. Эти люди наверняка запомнили услышанное. Но в университете у него

прочное положение. Он входит в штат преподавателей. Так что пусть они катятся ко всем чертям!

Прямо в «Ад» Данте. Пусть займутся исследованиями в «полевых условиях».

Но нужно нейтрализовать Крису, пока она не нанесла новых ударов по репутации Джулианны. Она выставила Джулию шлюхой, добивающейся научных успехов через постель.

Обуреваемый этими мыслями, Габриель поправил галстук-бабочку, одернул пиджак и вошел в зал.

** ** *
* * *

Джулия заметила появление Габриеля. Вид у него был мрачный.

Он бросил на сидевшую рядом с профессором Паччиани Крису злобный взгляд, а потом сел между Джулией и профессором Пиктон и молча достал из кожаного портфеля блокнот и любимую перьевую авторучку. Язык его жестов был намеренно вызывающим.

Джулия пыталась сосредоточиться на содержании лекции, касавшейся использования числа «три» в «Божественной комедии» Данте. Предмет лекции и стиль изложения нарушали все мыслимые Женевские конвенции о запрете пыток и наказаний. Еще тяжелее было слушать это, сидя рядом с Габриелем, и

чувствовать исходящие от него волны гнева. Под элегантным костюмом-тройкой таился настоящий вулкан.

Краешком глаза Джулия видела, как Габриель, не отрываясь, строчит в блокноте. Его изящный почерк изменился. Буквы сделались более угловатыми. Он сильнее обычного давил на перо. Рот Габриеля был плотно сжат, а на лбу, между темными бровями, обозначилась знакомая складка, частично скрытая под стеклами очков.

Джулия была раздосадована поведением мужа, но не сердилась на него. Он вел себя так, как и надлежало вести ангелу мести. Бывали моменты, когда она благословляла эту черту его характера; например, когда он до полусмерти избил напавшего на нее Саймона.

Но она не любила ссориться с ним, особенно на публике. Ей было тяжело вспоминать недавний инцидент в холле, когда Габриель сорвался на глазах стольких известных людей. Хотя Кэтрин и встала на его сторону, неприятный осадок не проходил.

Джулия тихо вздохнула. Его любовь к ней и желание, чтобы ее лекция увенчалась успехом, — вот что питало его гнев.

«Отношения с тобой — это его первые серьезные и искренние отношения, — мысленно напомнила она себе. — Имей же снисхождение к своему парню».

Джулия хотела коснуться его руки, но ее останавливала возможная реакция Габриеля. И потом, она не осмеливалась ему мешать. Она представила

строгие глаза мужа, смотрящие на нее сквозь стекла очков, суровое выражение его лица. Зачем ей еще одна рана?

Она очень давно не видела Габриеля таким рассерженным. Джулии вспомнился один из его семинаров по Данте, когда она вывела его из равновесия упоминанием о Полине. Габриель тогда кипел от ярости, внезапно перешедшей в страсть.

Сейчас не время думать о страсти. Проявлять страсть она будет потом, когда они вернутся в свою комнатку в колледже Святой Магдалины. А то Габриель забудет про конференцию и утащит ее в какой-нибудь укромный уголок, где они займутся конференц-сексом.

Кое-кто из именитых ученых, поддавшись конференц-сексу, потом горько сожалел. Этого нельзя допускать ни в коем случае.

Следующая лекция была такой же мучительной. Джулия делала вид, что слушает, хотя думала совсем о другом. Если бы Габриель не заупрямился, клеветнический спектакль Кристи имел бы куда меньше зрителей. А теперь Джулия вынуждена вращаться среди тех, кто видел эту отвратительную сцену. Ей и без того было страшновато находиться рядом с известными дантоведами. Стараниями Кристи ее робость и неуверенность возросли стократно.

И все-таки, невзирая на случившееся, Джулия хотела бы провести этот день рядом с Габриелем, особенно во время ланча и частых перерывов на чай и кофе. Но они еще вчера договорились, что будут

активно общаться с другими участниками конференции. Джулии необходимо завязывать профессиональные знакомства.

Профессора Пиктон и Маринелли представили ее своим давним друзьям, и Джулия заставляла себя вести учтивые разговоры ни о чем. Габриель находился в другом конце холла. Он развил бурную деятельность, стараясь пообщаться с максимально возможным числом гостей. Время от времени он поглядывал в ее сторону. Джулия догадывалась, что муж говорит о ней.

Габриель не был оставлен женским вниманием. В какой бы части холла он ни оказывался, рядом всегда стояло несколько женщин. Надо отдать Габриелю должное: он стойко выдерживал их внимание, однако не давал повода пускаться в ход женские чары.

Джулия старалась внимательно слушать своих собеседников, однако все время следила за местонахождением и окружением Габриеля. Поглядывала она и за Кристой, однако та почти все время держалась рядом с профессором Паччиани.

Джулию это немало удивляло.

Паччиани тоже поглядывал на нее. Однажды он ей даже подмигнул. Но итальянец не делал попыток подойти и заговорить с ней. Казалось, ему вполне хватает общества Кристи, которая тем не менее ухитрялась флиртовать и с другими мужчинами.

Джулия маленькими глотками пила чай и слушала, как очередной профессор, с которым ее познакомили ученые дамы, рассказывает о своих последних

исследованиях. Она мечтала о скорейшем окончании первого дня конференции.

** **
** **
** **

Во время последней лекции Габриель заметил, что Джулия ерзает на месте. Так продолжалось почти час, словно ей отчаянно требовалось посетить дамскую комнату.

Его злость на Кристу ничуть не уменьшилась. Наоборот, Габриель часами раздувал угли своего гнева, находя мириады оправданий собственному поведению. Сейчас он занимался составлением оправдательной речи, которую собирался произнести перед Джулией, когда они вернутся к себе. Где-то на середине жена вдруг протянула ему записку.

Я не хочу ссориться.

Прости меня.

Спасибо, что встал на мою защиту.

Понимаю, как тебе было тяжело, когда она упомянула профессора Пиранью.

Габриель дважды перечитал записку.

Он смотрел на строгий черно-белый наряд Джулии, и у него сжималось сердце. Она просила прощения,

хотя была ни в чем не виновата.

Он бы не удивился большей поддержке с ее стороны. Он жаждал ее сочувствия и понимания в этой нелепой истории, куда он ввязался, испытывая сильное желание ее защитить. Но он никак не ожидал извинения.

Их глаза встретились. Джулия робко улыбнулась. Улыбка подействовала на него куда сильнее записки.

Его раздражение гасло под холодными водами раскаяния.

Не тратя лишнего времени, Габриель перевернул ее записку и написал:

Эмерсон был придурком.

Но он надеется, что ты его простишь.

Джулия мгновенно прочла его слова и довольно громко фыркнула, пряча смех.

Эхо тут же откликнулось. Лектор остановился на полуслове и поднял голову от своих бумаг. Должно быть, его удивило, как какой-то свинье удалось проскользнуть в колледж Святой Анны и попасть на его лекцию?

Джулия залилась краской и была вынуждена разыграть приступ кашля. Габриель заботливо похлопывал ее по спине. Когда же лекция возобновилась, он написал еще одну записку.

Прости, что поставил тебя в неловкое

положение.

Обещаю исправиться.

Ты вовсе не «лежачий полицейский».

Ты моя Беатриче.

Лицо Джулии просветлело. Ее плечи распрямились.

Она осторожно протянула руку и переплела свой мизинец с мизинцем Габриеля. Это позволяло им держаться за руки, ни привлекая чужого внимания.

Держа ее на крючке своего мизинца, Габриель украдкой поглядывал на нее.

Да, профессор Эмерсон умел быть придурком. Но он, по крайней мере, умел извиняться.

** ** *

Когда все лекции первого дня конференции были прочитаны, Кэтрин повела Джулию в паб «Орел и ребенок». Местные жители называли его «Птичка с младенцем». Пожалуй, это был самый известный оксфордский паб. Джулии не терпелось переступить его порог. Ведь в этих стенах проходили встречи «Инклингов» — литературной группы, куда входили (в числе прочих) Клайв Льюис, Джон Толкин и Чарльз Уильямс.

Профессор Пиктон заказала две пинты

каледонского эля и повела свою бывшую аспирантку в дальний угол зала. Когда они обе сели, Кэтрин чокнулась с Джулией и приложила к кружке.

— Рада вас видеть, Джулианна. Замечательно выглядите. — Кэтрин по-доброму оглядела ее. — Ваша свадьба была настоящим триумфом. Я давно так не веселилась.

— И я очень рада, что вы смогли приехать. — Джулия так крепко сжимала ручку кружки, что побелели костяшки пальцев.

Кэтрин сразу поняла, что она нервничает.

— Беспокойтесь о своей лекции?

— Отчасти.

Джулия сделала глоток эля. Она до сих пор не понимала, почему профессору Пиктон захотелось поговорить с ней наедине.

— Ваше волнение вполне понятно. Но вы выступите на ура. Я понимаю ваше состояние. Столкновение с этой бешеной девицей выбило вас из колеи.

У Джулии скрутило живот. Она молча кивнула.

Кэтрин оглядела зал. Убедившись, что посетители заняты своими разговорами, она спросила:

— Габриель не рассказывал вам, почему я оказалась у него в долгу?

— Нет. Он лишь вскользь упомянул, что в свое время оказал вам услугу, но в подробности не вдавался.

Кэтрин постукивала не покрытым лаком ногтем по кружке.

— Я думала, он вам рассказал. Впрочем, ему свойственно хранить чужие секреты. — Она сняла очки и положила их рядом с кружкой. — Шесть лет назад я решила отойти от активной преподавательской деятельности, оставив себе несколько часов в неделю. Мои обязанности перешли к Габриелю. Джереми Мартин как раз тогда взял его на работу. Но я по-прежнему занималась с аспирантами и вела семинар. В начале осеннего семестра я получила электронное письмо от своего старого оксфордского приятеля. Он сообщил, что профессор Джон Хаттон, у которого мы учились, умирает от рака в хосписе.

— Я знакома с монографией профессора Хаттона. Она упоминается в числе использованных мною источников.

— Старина Хат был кладезем сведений о Данте. Думаю, к концу жизни он забыл больше, чем я успела узнать за все эти годы. — Глаза Кэтрин погрузнели. — Когда я получила то письмо, у меня уже шли семинарские занятия. К тому же я согласилась прочесть для Си-би-эс цикл лекций о Данте и семи смертных грехах. Я пошла к Джереми и попросила отпустить меня на неделю в Англию. — Кэтрин, отличавшаяся незаурядной наблюдательностью, сразу заметила, как неуютно сделалось Джулии, едва та услышала имя профессора Мартина. — В прошлом году Джереми был вашим союзником. Он изо всех сил старался помочь Габриелю, но смог сделать лишь то, что сделал.

Джулия заерзала на стуле:

— Я всегда удивлялась, почему он помог Кристе перевестись в свою альма-матер. Ходили слухи, что они...

— Слухи ранят людей. Иногда они ранят невинных людей. Надеюсь, миссис Эмерсон, вы не станете придавать значение сплетням о профессоре Мартине.

Джулия покраснела:

— Простите. Вы совершенно правы.

— Я очень давно знаю Джереми и его жену. Поверьте мне, Криста Петерсон не соблазнила бы его даже в том случае, если бы предстала перед ним совершенно голой, преподнесла ему оригинал рукописи «Декамерона» и ящик пива. — Джулия подавила смешок. Профессор Пиктон отличалась красочным воображением. — Через два дня после моего разговора с Джереми он обратился к Габриелю. Габриель добровольно согласился взять на себя мой семинар и все прочие обязанности. Я отправилась в Англию.

— Я этого не знала.

— Вас это не должно удивлять. Габриель любит делать добрые дела втайне, но главное — он их делает. Он вызвался мне помочь, хотя работал первый год и был всего лишь старшим преподавателем. Он сам только-только окончил аспирантуру. Это был жест необычайной доброты к человеку, которого он едва знал. Получилось так, что я задержалась в Англии и вернулась только после Рождества. Представляете? Габриель целых четыре месяца безропотно выполнял мои обязанности. Когда я вернулась в Торонто, мы с ним стали добрыми друзьями. Теперь вы понимаете,

что я у него в долгу.

— Я уверена, он был счастлив вам помочь. После того, что вы для нас сделали, о долге можно забыть.

Кэтрин задумчиво разглядывала интерьер паба.

— Габриель говорил, что вы восхищаетесь «Инклингами».

— Да. Вы их знали?

— Один раз видела Толкина. Я тогда была еще девчонкой. Мой отец был специалистом по Беовульффу. Он преподавал в Лидсе. Они с Толкином переписывались. Однажды отец взял меня к нему гости. Мы поехали на поезде.

— И какие у вас впечатления от той встречи?

Кэтрин откинулась на спинку стула и некоторое время разглядывала потолок.

— Мне он понравился. В то время он казался мне таким же старым, как мой отец. Помню, Толкин стал просить, чтобы я рассказала ему какую-нибудь историю. Я на ходу сочинила историю про семейство барсуков, которые жили за нашим домом. Кажется, моя история пришлась ему по вкусу. — Она обвела рукой место, где они сидели. — Кстати, «Инклинги» любили собираться в этом углу.

Джулия зачарованно глядела по сторонам. В детстве, запираясь у себя в комнате с «Хрониками Нарнии», она и представить не могла, что однажды будет сидеть там, где сидел Льюис. Это граничило с чудом.

— Спасибо, что привели меня сюда, — едва слышно произнесла она.

— Была рада доставить вам удовольствие. — Глаза Кэтрин вновь погрузнели. — Мне понадобился почти целый семестр, чтобы увидеться со Старинной Хатом. Когда я приехала в Оксфорд, его жена потребовала не пускать меня в хоспис. Неделями я приходила к дверям хосписа в надежде, что она снимет запрет. Я очень боялась, что он умрет, а я так и не сумею с ним проститься.

— Но откуда такая жестокость?

— Вы задаете этот вопрос после холокоста? После бесчисленных случаев геноцида? Люди бывают невероятно жестокими... Правда, я не была невинной овечкой. В свое время я тоже повела себя жестоко. А в тот семестр миссис Хаттон представилась возможность отомстить мне, да еще и с процентами.

— Я очень сочувствую вам.

Профессор Пиктон отмахнулась:

— Габриель дал мне шанс примириться. Я всегда буду перед ним в долгу, а это значит — я несу за вас особую ответственность.

— Так вы смогли повидать вашего друга?

— У миссис Хаттон заболела тетка, и, пока она отсутствовала, мне удалось повидаться с профессором. Он был уже при смерти, но мы сумели поговорить. Я вернулась в Торонто и стала выкарабкиваться из депрессии. Габриель не знает всей истории. Я никогда не говорила, почему мне было так важно повидаться с Джоном и успеть проститься с ним. — Кэтрин скривила губы, словно решая, стоит ли рассказывать дальше. Потом, пожав плечами, сказала:

— Сейчас все главные действующие лица уже умерли. Я единственное исключение. Нет смысла дальше хранить этот секрет. — Она поднесла кружку к губам и посмотрела на Джулию. — Я не стану требовать, чтобы вы таили услышанное от мужа, но прошу вас соблюдать осмотрительность.

— Конечно, профессор.

Старческие пальцы Кэтрин обхватили кружку.

— Будучи студенткой, я вступила в интимные отношения со Стариной Хатом. Они продолжались и потом, когда я преподавала в Кембридже. Он был женат. К счастью для меня, пока я жила в Оксфорде, никто и не догадывался о нашей связи. Но потом поползли слухи. Они сопровождали меня целых десять лет.

Джулия от удивления раскрыла рот.

В серо-голубых глазах Кэтрин блеснуло изумление.

— Вижу, вы поражены. Но ведь мне не всегда было столько, сколько сейчас. В молодости меня считали привлекательной. И потом, что тут странного? Люди вместе работают в той сфере, которую они страстно любят. Эта страсть должна иметь какой-то выход. Данте говорит об этом, описывая историю Паоло и Франчески. — Кэтрин вновь надела очки. — Когда я пыталась получить университетскую должность, сплетни стали особо злобными. Среди моих бывших однокашников нашлись те, кто позавидовал благосклонности Старины Хата ко мне. Даже не зная о наших близких отношениях, они стали распространять слухи, будто автором моих исследований является он.

Кто-то даже не поленился и написал в Кембридж, где я надеялась занять место преподавателя. Зная, что Старина Хат написал рекомендательное письмо, автор этого пасквиля утверждал, что Джон отблагодарил меня за постель.

Джулия засмеялась, но тут же, спохватившись, зажала рот рукой:

— Ради бога, простите меня. В этом нет ничего смешного.

Кэтрин озорно ей подмигнула:

— Наоборот, это очень смешно. Вы бы видели его рекомендательное письмо. Он написал: «Мисс Пиктон компетентна в области творчества Данте». Черт побери, я же в самом деле была его любовницей. Разве он не мог потрудиться написать еще что-то, не ограничиваясь одной фразой? — Джулия смотрела на нее с неподдельным ужасом, и профессор Пиктон усмехнулась. — Сейчас я готова смеяться вместе с вами, а многие годы мне было не до смеха. Я любила женатого мужчину и страдала, что он не принадлежит мне целиком. Ни семьи, ни детей. Но когда я начала выступать с результатами своих исследований, сплетни прекратились. Люди слышали мои лекции. В некоторых вопросах я противоречила воззрениям Старины Хата. Постепенно ученый мир понял: я разбираюсь в том, о чем говорю. Я работала очень напряженно, чтобы сделать себе имя в науке и выйти из его тени. Когда он умирал, единственным человеком, доподлинно знавшим о моих отношениях со Старинной Хатом, была его жена. — Кэтрин

пристально посмотрела на Джулию. — Сегодня утром я всячески старалась дискредитировать эту мисс Петерсон. Я продолжу свои усилия, но, даже если и потерплю неудачу, знайте: люди охотятся за новизной. Возникают новые скандалы, и они забывают о прежних. А к тому времени, когда вы начнете преподавать, все сплетни вообще забудутся.

— Профессор, мне до этого еще шесть лет.

Профессор Пиктон улыбнулась:

— Учитывая то, чем я сегодня с вами поделилась, вы вполне можете называть меня просто Кэтрин.

— Спасибо, Кэтрин. — Стараясь побороть смущение, Джулия тоже улыбнулась.

— Своей безупречной работой вы можете помочь людям забыть все сплетни. Когда раз за разом вы будете подтверждать свою научную позицию, все злопыхатели мира не смогут ее поколебать. Возможно, вам придется работать напряженнее, чем кому-нибудь другому, но вряд ли вы станете возражать против усердной работы. Я права?

— Конечно. Я люблю работать.

— Вот и хорошо. — Кэтрин подалась вперед. — Хочу дать вам еще один совет. Думаю, его вам будет принять труднее. — (Джулия внутренне напряглась.) — Вам нужно увереннее держаться в научной среде. Понимаю, что вы по природе застенчивы и предпочитаете избегать конфронтации. Но застенчивость на академическом ристалище недопустима. Когда вы читаете лекцию и кто-то вас атакует, вы должны немедленно ответить на выпад. На

любую критику, будь то в завуалированной или в откровенно злобной форме, необходимо отвечать сразу. Вам это понятно?

— Насколько помню, на семинарах я так себя и вела. Профессор Маринелли была довольна мной.

— Отлично. Мой вам совет: завтра будьте сама собой. Яркой. Безупречной. Не позволяйте стае волков растерзать вас, словно какую-нибудь больную лосиху.

— (Услышав столь необычное сравнение, Джулия удивленно округлила глаза, но промолчала.) — И еще: муж ни в коем случае не должен вас защищать. Его благие намерения ослабляют ваш имидж. Если хотите добиваться успеха, учитесь самостоятельно защищаться и защищать свои идеи. Габриелю это не понравится. Постарайтесь растолковать ему, что своим стремлением помочь он делает вам только хуже. На его фоне вы выглядите беспомощной. Рыцарство в научном мире смертельно опасно.

Джулия кивала, ощущая некоторую растерянность.

Кэтрин залпом допила пиво:

— А теперь идемте смотреть, удалось ли Габриелю запудрить мозги старым придуркам из «Оксфордского общества Данте» и убедить их, что утром они ничего такого не видели и не слышали. — Она подмигнула. — Кстати, в глазах кое-кого из них Габриель после этого скандала только выиграл. Им не понять, что ваш муж несравненно интереснее и крупнее всех их представлений о нем.

** ** *
* * *

Пока Джулианна беседовала с профессором Пиктон, Габриель очень толково распорядился своим временем. Вместе со старыми друзьями и новыми знакомыми он отправился в студенческий паб «Королевский арсенал», где пустил в ход все свое обаяние и красноречие. Через час полдюжины дантоведов уже не сомневались в том, что Криста Петерсон — снедаемая завистью посредственность, а он и Джулия — жертвы ее злобной клеветы.

К обеду настроение Габриеля заметно улучшилось. Кэтрин смаковала вино и была на удивление разговорчива. Габриель ей не уступал.

Джулия сидела молча, держась застенчивее, чем обычно. В ее больших глазах читалась усталость. За обедом она почти ничего не ела и даже не соблазнилась десертом. Чувствовалось, события этого дня все-таки подействовали на нее.

Когда она отлучилась в туалет, Кэтрин озабоченно посмотрела на Габриеля:

— Ей нужно отдохнуть. Бедная девочка совсем вымоталась.

— Да, — задумчиво согласился Габриель, воздерживаясь от дальнейших комментариев.

— А вы прекратили пить, — сказала Кэтрин, покосившись на его пустую рюмку.

— Да, — с терпеливой улыбкой ответил Габриель.

— Недурная идея. В моей жизни тоже бывали

периоды полной трезвости. — Она вытерла губы салфеткой. — Вы согласны принять материнский совет от женщины, не являющейся вашей матерью?

— Какой совет? — спросил Габриель, резко поворачиваясь к ней.

— Иногда меня тревожит ваша способность разбираться с клеветниками. Особенно теперь, когда вы женились. — Габриель попытался возражать, но Кэтрин продолжала: — Я уже стара и потому могу себя вести так, как мне нравится. Но для вас недопустимо на научных конференциях выступать в роли защитника Джулианны. Если вы подниметесь на ее защиту, все решат, что она слаба.

Габриель сложил салфетку и бросил на стол:

— Утренний инцидент с Кристой Петерсон — явление из ряда вон выходящее. Она пыталась сломать научную карьеру и мне, и Джулии.

— Согласна. Но даже в этом случае вы своей реакцией не столько помогли, сколько навредили жене.

Габриель нахмурился. Кэтрин решила изменить тактику:

— Мы с вами — хорошие друзья. Когда я смотрю на вас, знаете, о чем думаю? Если бы у меня был сын, я бы хотела видеть его столь же умным и талантливым, как вы.

— Благодарю вас, Кэтрин. — Лицо Габриеля потеплело. — Я очень ценю вашу дружбу.

— Я дала Джулианне несколько советов. Не сомневаюсь, что она перескажет вам содержание всего

нашего разговора. Но пока мы с вами вдвоем, я прошу вас внимательно отнестись к моим словам. Она замечательная женщина. Очень светлая. Не мешайте ей светить.

— Именно этого я и хочу. — Габриель опустил голову и стал смотреть на игру света на гранях своего обручального кольца.

— Вот и отлично. — Кэтрин постучала пальцем по столу, словно показывая, что они поняли друг друга. — В январе я должна буду прочесть в Гарварде несколько лекций. Надеюсь, что вы удостоите меня приглашением в ваш дом. Грег Мэтьюс обычно водит меня по уютным ресторанам с молекулярной кухней. Там подают отвратного вида кушанья, приготовленные в жидком азоте. Сидишь и не понимаешь, где ты: на обеде или на экзамене по органической химии.

** ** *
* * *

После обеда Габриель настоял на том, чтобы проводить Кэтрин до ее резиденции в колледже Всех Святых. Там они простились, договорившись встретиться утром за завтраком.

— Ровно в половине девятого, — постучав по циферблату своих часов, сказала Кэтрин. — Не вздумайте опаздывать.

— Мы не проспим, — поклонившись, пообещал

Габриель.

— Ловлю вас на слове.

С этими словами профессор Пиктон скрылась за массивной деревянной дверью колледжа.

Оставшись вдвоем, Габриель взял Джулию за руку и удивился, насколько холодны ее пальцы. Он попытался их согреть, невольно касаясь обоих ее колец: подаренного в день помолвки и обручального.

— Я знаю, что ты очень устала. Но я хочу кое-что тебе показать. Тут рядом.

Завернув за угол, они оказались перед ротондой Рэдклиффа — внушительным круглым зданием, ставшим своеобразной иконой Оксфорда. Небо было темным и безлунным, но фонари слегка подсвечивали ротонду.

— Помню, сколько раз я ходил вокруг этой ротонды, — сказал Габриель, сжимая ее руку. — Я всегда восхищался ею.

— Просто фантастика.

Джулия искренне любовалась зданием, его куполом и колоннами. Небо было цвета чернил и служило отличным фоном для неярко освещенного купола.

— Я хочу поговорить с тобой об утреннем происшествии, — тихо сказал Габриель, проводя по ее щекам, и почувствовал, как напряглась Джулия. — Прости, что не сдержался, — продолжал он, водя пальцами по ее скулам. — Понимаю, каково тебе было.

— Тебе было трудно просто так отойти от нее. Но ты все-таки отошел, и за это я тебе благодарна. —

Глаза Джулии вспыхнули. — Ты и сейчас готов сражаться.

Габриель прижал ее руки к своей груди:

— Только не с тобой. Но есть люди, с которыми приходится сражаться. Криста — задира. А задирам нельзя давать спуска.

Джулия вскинула подбородок:

— Иногда задирам нужно позволить показать всю свою никчемность. Или хотя бы не мешать тем, кого они задирают, самостоятельно решать, как ответить на вызов.

— Это я могу. Во всяком случае, попробую.

— О большем я и не прошу. — Джулия снова потянулась к его губам. — Мне действительно неприятно, что она упомянула профессора Пиранью. Я и представить не могла, что они знакомы.

Габриель закрыл глаза, а когда открыл снова, в них ясно читалась душевная боль.

— Я исповедовался в грехах своего прошлого и оставил их позади. Неужели я обречен вечно выслушивать напоминание о них?

— Мне очень жаль, — сказала Джулия, обнимая мужа и прижимаясь к нему.

Они замерли, потом Габриель уткнулся лицом в ее шею и крепко прижал Джулию к себе.

— Караваджо, — прошептала она.

— Почему ты о нем вспомнила?

— Я вспомнила твои слова о его картине, изображающей святого Фому и Иисуса. Ты говорил, что наши шрамы могут зарубцеваться, но никогда не

исчезнут. Ты не можешь стереть свое прошлое, однако ты можешь не давать ему управлять тобой.

— Это я знаю. Но я сомневаюсь, что кому-то захочется посвящать коллег в историю своих сексуальных контактов. Особенно когда о них рассказывает... третья сторона.

— Тот, кто судит о тебе по старым сплетням, — тебе не друг. — Джулия чуть отстранилась, чтобы видеть его лицо. — А те, кто тебя знает, не станут слушать сплетни.

— Спасибо. — Габриель порывисто поцеловал ее в лоб. — Джулианна, у меня складывается ощущение, что люди и обстоятельства составили заговор с целью разлучить нас. Мы не можем им этого позволить.

— А мы и не позволим.

— Утром я не отмахивался от тебя. Ты значишь для меня больше, чем кто-либо и что-либо, — прошептал Габриель.

— То же я могу повторить и о тебе. — Джулия потянулась к нему губами и поцеловала, продолжая что-то шептать.

** ** *

А в это время, не так далеко от места, где находились Габриель и Джулия, профессор Паччиани удовлетворенным стоном встретил свой оргазм и рухнул на тело любовницы. Секс с ней всегда был

великолепным, и нынешнее соитие не явилось исключением.

Как всегда, он пробормотал несколько фраз по-итальянски. Но любовница не проявила к нему благосклонности. Она спихнула профессора с себя и отвернулась. Увы, подобное отнюдь не было редкостью.

— Сара, в чем дело?

Криста Петерсон натянула простыню, прикрыв свою наготу:

— Завтра вечером мне понадобится этот номер. Поищи себе место для ночлега.

Выругавшись, Джузеппе спустил босые ноги на пол. Он встал, прошел в ванную, где снял и выбросил презерватив.

— Это мой номер.

— Нет, — возразила из спальни Криста. — Это мой номер. Ты всегда платишь за мое проживание. А завтра я намерена немного поразвлечься.

Профессор вернулся в кровать, и вскоре Криста снова оказалась под ним. Профессорские локти сжимали ее плечи.

— Неужели ты так скоро уложишь в эту постель другого мужчину? Даже простыни не успеют остыть.

Темные глаза Кристи сердито вспыхнули.

— Нечего меня осуждать. Ты женат, и тебя не должно касаться, с кем еще я трахаюсь.

Он наклонился, чтобы ее поцеловать. Криста не сразу, но уступила его настойчивым губам.

— Какой у тебя грязный рот, Кристина.

— Я же нравлюсь тебе грязной.

Профессор вдохнул и криво улыбнулся:

— Sì.

Он перевернулся на спину, увлекая вместе с собой и Криту.

— Я хочу встать, — заявила она.

— Не сейчас.

Она вырывалась, однако итальянец держал крепко. Наконец Криста уступила ему, опустив голову на его грудь.

Он играл с ее волосами. Это была часть их договоренности. После игры с волосами профессору Паччиани дозволялось все остальное.

Возможно, он делал это, чтобы убедить себя в некоторой романтичности их совокуплений. А может, потому, что он не был таким уж прожженным развратником. Но вне зависимости от истинной причины Криста сначала всегда немного упиралась, хотя втайне ей нравилось, когда профессор Паччиани ее обнимал.

— Кристина, ты так неожиданно проявилась. Мы же должны были встретиться год назад. Ты даже не ответила на мои письма.

— Я была занята.

Джузеппе поднес к носу кончики ее черных волос, вдыхая их аромат.

— Сначала я не мог понять, с чего это тебя так потянуло на конференцию. Теперь понимаю: тобой двигало желание отомстить.

— Мы оба получаем то, чего хотели.

Его пальцы замерли.

— Будь осторожна, Кристина. Я бы очень не советовал тебе становиться врагом профессора Пиктон.

— Меня это не колышет.

Паччиани выругался:

— Неужели ты до сих пор не разобралась в расстановке сил? Какой университет в мире ни возьми — обязательно найдешь на факультетах искусств обожателей профессора Пиктон. Твоя заведующая кафедрой в Колумбийском университете — ее бывшая студентка.

— Этого я не знала, — пожала плечами Криста. — Все равно уже слишком поздно. Я здорово разозлила ученую бабулю.

Паччиани грубо сжал ей подбородок, заставив смотреть на него:

— Ты слышала ее слова. Отныне мне приходится отвечать за твое поведение. Так что больше никаких фокусов. Я добиваюсь возможности работать в Америке, и мне совсем не нужно, чтобы профессор Пиктон высказывалась против моего назначения.

— Ладно, — скривив губы, согласилась Криста, глядя на сердитое лицо итальянца. — Но завтра вечером тебя здесь не должно быть.

— Va bene¹⁰. — Паччиани отпустил ее подбородок и вновь стал гладить ее длинные черные волосы. — Как его звали?

— Кого?

— Мужчину, развившего в тебе желание к

подобным занятиям.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — сказала Криста, напрягаясь всем телом.

— Все-то ты понимаешь, tesoro¹¹. Это был твой папа? Неужели он...

— Нет, — ответила она, сердито глядя на итальянца. — Он хороший человек.

— Certo, cara. Certo¹². Сколько я тебя знаю, у тебя только любовники. И ни одного жениха. Тебе бы замуж выйти. Детей рожать. Вместо этого ты трахаешься с престарелыми мужиками за дорогие подарки.

— Ошибаешься. Я трахаюсь с тобой не из-за подарков. Я трахаюсь с тобой, потому что мне нравится трахаться.

Паччиани засмеялся.

— Grazie¹³. Но все равно без подарков никогда не обходится. Почему? — спросил он, целуя Кристу в лоб.

— Я люблю красивые вещи. В этом нет ничего преступного. Я их достойна.

— Знаешь, tesoro, о чем я сейчас думаю?

— Перестань называть меня этим дурацким словом, — потребовала Криста, вырываясь из его рук.

Паччиани с силой обхватила ее за шею и притянул к себе:

— Ты их недостойна, потому и требуешь подношений себе. Печально, правда?

— Я не нуждаюсь в твоей жалости.

— Тем не менее мне тебя жаль.

— Тогда ты просто дурак.

Профессор Паччиани еще сильнее сдавил плечи Кристины:

— Ты трахаешься со священниками и старыми женатыми мужчинами, потому что боишься. Боишься оказаться в постели с молодым, свободным мужчиной. Ты не знаешь, как себя вести с такими.

Криста извивалась, пытаясь вырваться из его рук.

— С каких это пор ты заделалась психиатром? Нечего проецировать на меня свои дурацкие рассуждения. Между прочим, это ты изменяешь своей жене, а не я.

— *Attenzione*¹⁴, Кристина, — предупредил Паччиани. — Так с кем же ты будешь трахаться завтра вечером? Со священником? С профессором?

Криста смерила его взглядом, затем насмешливо провела пальцем по его нижней губе:

— Кто тебе сказал, что это мужчина?

— Тогда я жду от тебя подробностей, — глядя на нее голодными глазами, сказал профессор Паччиани.

¹⁰ Хорошо (*ит.*).

¹¹ Сокровище (*ит.*).

¹² Конечно, дорогая. Конечно (*ит.*).

¹³ Спасибо (*ит.*).

¹⁴ Поосторожнее (*ит.*).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— Просыпайся, дорогая, — сказал Габриель, осторожно касаясь бровей Джулии. — Тебе нужно успеть подготовиться.

Джулия пробормотала что-то нечленораздельное и зарылась лицом в подушку.

— И все-таки вставай, иначе наши соседи займут душ, — усмехнулся он, любуясь лежащей женой.

— Иди сначала ты.

— Я уже принял душ, побрился и даже оделся.

Габриель провел рукой по ее обнаженной спине. Тело Джулии отозвалось дрожью. Габриелю было приятно сознавать силу своих прикосновений.

— А кто мне вчера долго не давал спать? — простила Джулия.

— Если ты сейчас не встанешь, мы опоздаем и рассердим Кэтрин.

— Я не пойду в душ. Дай мне еще поспать.

Габриель перевернул Джулию на спину и стал водить носом по ее ключицам, наслаждаясь ароматом.

— Ты пахнешь сексом, — сообщил он, подключив к делу язык. — И мною.

— Потому я и не хочу идти в душ. У нас была потрясающая секс-импровизация, которую я хочу запомнить.

Габриелю захотелось откинуть простыни и заняться

с женой диким, страстным, передающим запахи предконференционным сексом. Но он быстро подавил в себе эти импульсы.

— Нельзя читать лекцию в Оксфорде и пахнуть сексом.

— Спорим, можно?

Габриель быстро посмотрел на часы. Затем на жену.

Кончилось тем, что он торопливо сорвал с себя одежду и занялся с Джулией диким, страстным, передающим запахи предконференционным сексом.

** ** *
* * *

В колледж Всех Святых Эмерсоны отправилась с опозданием. Шли торопливо. По дороге Джулия рассказала Габриелю о романе Кэтрин со Старинной Хатом.

Габриеля это удивило. О профессоре Хаттоне он знал, но они никогда не встречались. Выслушав рассказ жены, Габриель заметил, что покойный профессор был «малость придурковатым».

Очень интересная характеристика профессора Хаттона, особенно если учесть, кем в недавнем прошлом был сам профессор Эмерсон, вынесший подобное суждение.

Габриель поблагодарил профессора Пиктон за поддержку и за завтраком — они завтракали в столовой колледжа Всех Святых, — выразил надежду,

что сегодня Криста не осмелится устраивать фокусы во время лекции Джулии.

— Не беспокойтесь из-за ерунды, — посоветовала ему Кэтрин. — Джулианна держит ситуацию под контролем. Не будем мешать ей своей опекой.

Джулия храбро улыбалась, теребя серебряное ожерелье, подаренное Габриелем в Селингроуве.

После завтрака их путь лежал в колледж Святой Анны.

— Ты просто потрясающе выглядишь, — сказал Габриель, обнимая жену за талию. — И ты замечательно выступишь.

Джулия оглядела свой темно-синий костюм и простые туфли такого же цвета. Габриель хотел, чтобы она выступала в наряде от «Прада» или «Шанель», но она решительно воспротивилась излишней трате денег. Пусть уж лучше собравшиеся слушают ее лекцию, чем разглядывают ее одежду. В салоне «Энн Тейлор» Джулия купила себе простой жакет и юбку, а в магазине «Найн Уэст» — скромного вида туфли на высоком каблуке. И все же, видя, как и во что одеты участницы конференции, за исключением Кристы Петерсон, она чувствовала, что могла бы одеться еще скромнее.

А под одеждой таился запах Габриеля вместе с купленным им корсетом. Все вместе значительно повышало ее уверенность.

— Я схожу за кофе, — сказал Габриель, выпуская жену из объятий. — Тебе чего-нибудь принести?

— Бутылку воды. Если не возражаешь, я посижу в

уголке и сосредоточусь.

— Ничуть не возражаю. Я скоро вернусь.

Супруги улыбнулись друг другу. Габриель пошел за кофе и водой. Джулия одна направилась в аудиторию.

По пути к столу с напитками Габриелю пришлось несколько раз останавливаться и обмениваться дежурными любезностями со знакомыми дантоведами. К тому моменту, когда он налил себе кофе и взял бутылку с водой, холл практически опустел.

Во всяком случае, ему так казалось.

— Привет, профессор, — послышался сзади сладострастный женский голос.

Габриель обернулся. Перед ним, словно злой призрак из сказки, стояла Криста.

— Что вам угодно? — сердито спросил Габриель, мгновенно превратившись в рыцаря, готового насмерть сражаться с призраками.

— Вчера вы хотели поговорить со мной. Я вас слушаю.

Габриель обвел глазами опустевший холл, мысленно прикидывая, услышат ли их собравшиеся в аудитории.

Криста дерзко подошла к нему почти вплотную и закрыла глаза, вдыхая его запах. Когда она вновь их открыла, взгляд ее был откровенно голодным.

— От вас пахнет сексом.

— Прекратите ваши игры, Криста. И прекратите распространять сплетни.

— А вот этого вы не дождетесь.

— Я подам на вас в суд.

По ее лицу промелькнула тень, но тут же исчезла, сменившись небрежной улыбкой.

— В суд? За что? За то, что я говорю правду?

— Вы едва ли умеете говорить правду. Зато очень поднаторели в клевете. В Торонто никто вас не домогался. Этот номер не прошел. А то, что Джулия самостоятельно занимается исследованиями, ясно каждому, у кого есть хотя бы пара извилин.

Из аудитории донесся смех. Габриель повернулся в том направлении. Криста заговорила громче: — Если уж вы вспомнили Торонто, припомните, как трахали свою аспирантку и как на факультете сумели замять скандал, временно отстранив вас от работы. Очень интересная история, которую многие с удовольствием послушают. Кстати, профессор Сингер тоже порассказала немало интересного о вас. Жаль, что она не сделала фотографии. Я была бы не прочь посмотреть. — Криста протянула руку, словно намеревалась снять пылинку с лацкана его темно-синего костюма.

Габриель поймал ее руку и до боли стиснул:

— Вы играете с огнем.

Криста наклонилась еще ближе. Ее рот находился в паре дюймов от его рта.

— На это я и надеюсь, профессор.

Поморщившись, Габриель отпустил ее и брезгливо вытер ладони. Пора прекращать эту бессмысленную конфронтацию.

— Настоятельно советую вам держать язык за

зубами, иначе я превращу вашу жизнь в ад.

— Ну зачем же так свирепо, профессор? Возможность все прекратить находится в ваших руках. — Криста показала пальцем на ширинку его брюк и понимающе улыбнулась. — Не в руках. Чуть ниже.

Выругавшись сквозь зубы, Габриель пошел в сторону аудитории. Криста не отставала: — Приходите ко мне в отель, и уже завтра вам не надо будет беспокоиться насчет моего талантливого ротика. — Криста дотронулась до его руки и страстно зашептала: — Я же вас знаю. Знаю, что вы любите и чего хотите. Мы будем трахаться с вами всю ночь, а потом мирно разойдемся.

— Нет, — отрезал Габриель, грубо отталкивая его руку.

— Тогда все дальнейшие события останутся на вашей совести.

Габриель остановился. Криста тоже остановилась.

— Я требую держаться подальше от моей жены, — сказал он, подойдя к ней. — Вы меня слышите?

— Я остановилась в отеле «Мальмезон». Когда-то там была тюрьма. Вам это должно импонировать. — Криста потянулась к его уху и шепотом добавила: — Я и наручники припасла.

Габриель почти оттолкнул ее и даже не заметил, как Криста что-то бросила в карман его пиджака.

Помахав ему рукой, она усмехнулась и сказала:

— Этот вечер — ваш единственный шанс. Приходите около полуночи. — Повернувшись на

своих высоченных каблуках, Криста пошла по холлу, соблазнительно покачивая бедрами. Потом, будто вспомнив, обернулась через плечо: — Передайте вашей *жене* мои лучшие пожелания.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Через несколько минут Габриель уже стоял в амфитеатре аудитории, ища глазами Джулию. Ее он увидел возле кафедры. Но не одну. Более того, его Джулия... обнималась! Она обнималась с рослым, широкоплечим мужчиной, не лишенным обаяния.

Габриель двинулся вниз по проходу, перепрыгивая через две ступеньки. За это время Джулия перестала обниматься. Теперь она смотрела на мужчину и весело улыбалась. Вне всякого сомнения, она с ним не только обнималась, но и целовалась. Мужчина крайне неохотно убрал свою ручищу с ее талии и что-то сказал. Джулия засмеялась.

Габриель был готов задушить наглеца или вызвать его на дуэль.

Джулия заметила приближавшегося мужа и что-то сказала рослому мужчине. Тот обернулся. Габриель остановился как вкопанный.

— Трахатель ангелов, — пробормотал он.

— Вы что-то сказали?

Пол Норрис сощурился, глядя на своего бывшего научного руководителя и гадая, точно ли он расслышал слова профессора. У него имелся собственный набор эпитетов, характеризующих Эмерсона. Часть их была почти аналогична профессорским.

«Трахатель аспиранток», — подумал Пол.

— Конференция становится все более оживленной, — заметил Габриель, выпрямляясь во весь рост — шесть футов и два дюйма.

— Здравствуйте, профессор Эмерсон, — произнес Пол, инстинктивно напрягая бицепсы и расправляя грудь.

— Здравствуйте, Пол, — ответил Габриель, загородив собой Джулию и протягивая ей бутылку с водой.

— Вы бы хоть руки друг другу пожали, — нахмурилась Джулия, глядя то на мужа, то на лучшего друга.

Оба нехотя выполнили ее просьбу.

— Я не знал, что вы приедете, — сказал Габриель, упирая на слова «не знал».

— Честно говоря, я и не собирался. Но один участник не смог приехать, и профессор Пиктон пригласила меня. Я буду выступать перед Джулией.

— Так это же замечательно, — улыбнулась Джулия. — Мои поздравления, Пол.

Тот весь расплылся в улыбке.

— Можно пригласить тебя на ланч? — спросил Пол, глядя только на Джулию.

— Боюсь, у нее на это время уже есть другие планы, — ледяным тоном ответил Габриель. Взяв жену под локоть, он шепнул ей: — Сомневаюсь, что это хорошая затея.

— Дорогой, — предостерегающе прошептала она в ответ.

— Привет, мистер Норрис, — послышался голос подошедшей Кэтрин. Она крепко пожала Полу руку, затем повернулась к Габриелю. — Вечером мы с мистером Норрисом вместе обедаем. Я была бы рада видеть и вас с Джулианной.

— Мы с радостью, — напряженным тоном ответил Габриель. — А поскольку, мистер Норрис, мы все встречаемся за обедом, на ланч моя жена пойдет со мной. — Он улыбнулся, демонстрируя ослепительно-белые зубы.

— Дорогой, можно тебя на пару слов? — спросила Джулия. — Мы оставим вас ненадолго, — добавила она, обращаясь к Кэтрин и Полу.

Найдя тихий уголок, Джулия остановилась:

— Я хочу посидеть с Полом за ланчем.

— Только через мой труп, — отрезал Габриель, скрещивая руки на груди.

— Он мой старый друг.

— Старый друг, который напропалую целовался с тобой.

— Позволь тебе напомнить: он поддерживал меня, когда ты исчез. И, если помнишь, я отклонила его предложение. — Подражая мужу, Джулия тоже скрестила руки на груди.

— Он и сейчас тебя хочет, — угрюмо процедил Габриель.

— У Пола твердые принципы. Он не станет заигрывать с замужней женщиной. Это всего-навсего ланч. Пожалуйста, не драматизируй обычную дружескую встречу.